ГК 651
П 961

Михаилъ Пуришкевичъ.

Республика или Монархія?

Изданіе Главнаго Совѣта Всероссійской Народно-Государственной Партіи.

№ 1.

Ростовъ на Дону.
Типографія Ф. А. Полубатко.
1919.

Михаилъ Пуришкевичъ.

Республика или Монархія?

Изданіе Главнаго Совѣта Всероссійской Народно-Государственной Партіи.

I 7443

№ 1.

Ростовъ на Дону.
Типографія Ф. А. Полубатко.
1919.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК651
П961 Р

Библиотека
Института Ленина
при ЦК КПСС

1087628

Библиотека
Института Ленина
при ЦК КПСС

(036
28)
63-
089 1.
22588

Только какъ Монархія и
Монархія Самодержавная
Православная Россія

Отъ Главнаго Совѣта Всероссійской Народно-Государственной Партіи.

Время, переживаемое Россіею сейчасъ, исключаетъ возможность какихъ бы то ни было недомолвокъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной и государственной жизни.

Будущее должно принадлежать тѣмъ, которые дѣйствуютъ прямо и открыто и такъ же прямо и открыто говорятъ.

Ни полумѣры, ни полуслова сейчасъ не годятся, первыми—полумѣрами нельзя ни вразумить, ни устрашить тѣхъ, которые способны подчиняться только силѣ, а вторыми—полусловами нельзя повліять на тѣхъ, которые умѣютъ разбираться въ правдѣ и во лжи, въ скрытыхъ намѣреніяхъ и способны уважать только говорящихъ то, что они думаютъ.

Исходя изъ этаго положенія Народно-Государственная Партія, учитывающая современную психологію русскихъ народныхъ массъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большевизмъ показалъ воочію народу къ какимъ результатамъ привело его исканіе свободы по соціалистическимъ образцамъ, въ наплодившихся по Россіи республикахъ и коммунахъ, считаетъ необходимымъ громко и открыто заявлять вездѣ и всюду, что только Монархія можетъ спасти Россію; что только при наличности Царской власти обезпечены для Россіи какъ ея Государственное единство въ старыхъ границахъ, исключая Польши, такъ и политическая мощь и вліяніе на ходъ историческихъ событій среди державъ міра въ грядущіе годы.

Главная причина длительности разрушительной власти большевизма на сѣверѣ заключается въ твердости этой власти и волевомъ импульсѣ ея проводниковъ.

Не умѣя останавливаться предъ препятствіями, большевизмъ ломаетъ все на своемъ пути, идя къ намѣченной цѣли, а цѣль его растлѣніе христіанскихъ народовъ міра, въ интересахъ іудаизма.

Власть разрушительная—большевизмъ ненавистенъ уже простому народу, который, будучи разрозненнымъ и не вооруженнымъ сопротивляться на сѣверѣ ему однако почти не способенъ.

Государственные идеалы, объединившіе весь югъ вокругъ—Добровольческой Арміи встрѣчаются и будутъ встрѣчаться, по мѣрѣ продвиженія этой арміи на сѣверъ, взрывами народнаго энтузіазма. Обездоленный и сирый народъ, увидитъ въ нихъ залогъ своего воскрешенія и станетъ привѣтствовать всякую организованную боевую единицу, которая принесетъ ему надежды на возвращеніе Россіи къ завѣтамъ славной старины,—къ Царской власти, никогда не посягавшей на бытовой укладъ русскаго народа.

Это истина,—истина неоспоримая, которую должны понять наконецъ люди, подъявшіе тяжелый крестъ мученической борьбы за спасеніе погибавшей Россіи. Въ этой области не можетъ быть никакихъ уступокъ ни своекорыстнымъ попыткамъ «дружественныхъ» или враждебныхъ намъ, что впрочемъ совершенно одно и тоже, державъ, такъ или иначе предрѣшить нашъ будущій Государственный строй, ни тѣмъ болѣе, злостнымъ поползновеніямъ прогорѣвшихъ русскихъ, политическихъ партій, тянущихся къ власти во имя власти насаждать у насъ республику, вопреки требованіямъ государственнаго разума и прямой волѣ русскаго народа.

Всякія заигрыванія съ соціалистами и съ кадетами всѣхъ мастей, обречены на полный провалъ; они увеличатъ только то колоссальное море святой крови русскаго воинства, которое пало въ гражданской войнѣ за идею Единой Россіи и въ концѣ концовъ, приведутъ все таки Россію къ Монархіи, оттянувъ лишь, на время, этотъ моментъ торжества подлинно—русскаго національнаго духа.

Пусть не забываютъ объ этомъ правители наши, несущіе отвѣтственность за всякую страницу современной русской исторіи и да помнятъ они, что впереди ихъ ждетъ судъ грядущихъ поколѣній, который воздастъ по заслугамъ каждому и нелицепріятно отмѣтитъ, кто порой по мягкотѣлости и по дряблости воли работалъ безсознательно на разрушеніе Россіи, и кто способствовалъ ея возсозданію и возрожденію ея политическаго могущества, растоптаннаго красною «свободою» интернаціональнаго еврейства!

Предсѣдатель Совѣта Народно-Государственной Партіи

Владиміръ Пуришкевичъ.

Монархія или республика?

I.

Въ нынѣшніе дни всѣмъ хорошо извѣстно, что государства раздѣляются по своему устройству на **республики** и на **монархіи**. Извѣстна также и основная разница между ними: въ республикахъ главнымъ лицомъ является выбранный на срокъ президентъ, въ монархіяхъ же—наслѣдственный правитель: царь, король, князь, герцогъ и т. д.

Многіе думаютъ, что республиканскій строй лучше монархическаго, ибо монархіи образовались будто-бы вообще ранѣе республикъ, которыя пришли имъ на смѣну, какъ болѣе совершенный видъ государственнаго устройства. Послѣднее однако вовсе не доказано. Правда, легко указать большое число случаевъ, когда республика смѣнила собою монархію (особенно въ новѣйшее время),—зато не мало можно привести примѣровъ также изъ того, какъ превращался республиканскій строй въ монархическій или, если этого не случалось, то республика попадала подъ власть чужеземной монархіи и переставала быть самостоятельнымъ государствомъ: монархія оказывалась крѣпче и сильнѣе ея.

Въ чемъ состоитъ суть республиканскаго устройства?

Въ его основу положена мысль, что государствомъ долженъ править весь его народъ—непосредственно или чрезъ своихъ выборныхъ представителей.

Однако совершенно ясно, что народъ можетъ дѣйствительно и самолично править лишь въ самыхъ малыхъ государствахъ, гдѣ немногихъ трудовъ стоило бы собрать его въ одно мѣсто и спрашивать тамъ его мнѣнія по разнымъ государственнымъ дѣламъ. Такихъ государствъ въ настоящее время не существуетъ, за исключеніемъ лишь Швейцаріи, которая состоитъ изъ цѣлаго ряда крошечныхъ республикъ (кантоновъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ по своему общему размѣру не достигаетъ площади любой изъ нашихъ южныхъ русскихъ губерній. Въ древнее время, однако, такихъ государствъ было цѣлое множество, и любопытно прослѣдить, чѣмъ они закончили свое существованіе.

II.

Въ предѣлахъ нынѣшней Греціи около двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ назадъ чуть ли не каждый городъ былъ самостоятельной республикой. Если прибавить, что города эти по числу своего населенія были немногимъ больше нашего обыкновеннаго зажиточнаго села, то становится очевиднымъ, что народъ въ нихъ легко могъ самъ собою управлять, собираясь на городскія площади. Республиканскіе народы Греціи очень дорожили этимъ своимъ правомъ и оберегали его, изгоняя изъ предѣловъ республики всѣхъ тѣхъ гражданъ, со стороны которыхъ подозрѣвали возможность покушенія къ захвату государственной власти. Нерѣдко это были выдающіеся по своимъ

дарованіямъ люди, честные, порядочные, и принесшіе народу пользу. Они не дѣлали худого, не совершали никакихъ проступковъ. Но ихъ умъ, способности и знанія слишкомъ выдвигали ихъ изъ ряда остальныхъ согражданъ. И такъ какъ они на самомъ дѣлѣ вовсе не покушались захватывать власть, то покорно подчинялись волѣ народа и уходили въ изгнаніе.

Пришло однако время, когда въ древнихъ греческихъ республикахъ появились и другого рода люди,—взаправду помышлявшіе о томъ, чтобы захватить правленіе,—притомъ, конечно, не для народной, но своей собственной пользы. Имъ могло грозить изгнаніе, но они были слишкомъ умны, чтобъ допустить до этого. И они пробивались къ власти нисколько не мѣняя образа государственнаго правленія. Республика оставалась попрежнему республикой, на дѣлѣ же властвовали въ ней они, окруживъ себя небольшимъ сравнительно количествомъ друзей и сторонниковъ, которые умѣли вмѣстѣ съ ними вводить народъ въ обманъ и привлекать голоса въ народномъ собраніи заманчивыми посулами, а иной разъ и просто подкупомъ.

Большинство народа, будучи занято своими хозяйственными и торговыми дѣлами, не умѣло, да и не могло разбираться во всѣхъ тонкихъ вопросахъ государственнаго управленія, которое съ теченіемъ времени становилось все болѣе сложнымъ,—и этимъ умѣло пользовались ловкіе люди, не имѣвшіе другихъ дѣлъ кромѣ „политики“, которую они направляли по своему хотѣнію. Такимъ образомъ, вмѣсто всего народа, республиками стало управлять ничтожное меньшинство,—и древніе греки окрестили этотъ способъ правленія **олигархіей**, что значитъ «власть немногихъ».

Нѣтъ ничего хуже, чѣмъ подобный строй. Его властители („олигархи“) не только притѣсняютъ и разоряютъ народъ, незамѣтно высасывая его соки для своего благополучія, но еще и постоянно развращаютъ его, прибѣгая къ разнымъ нечестнымъ уловкамъ при выборахъ и голосованіяхъ. Они добиваются получить въ свою пользу большинство голосовъ, соблазняя голосующаго личными выгодами: одному дадутъ деньги, другому обѣщаютъ выгодную службу, третьему обяжутся предоставить торговыя льготы. И растетъ число людей, продающихъ свои голоса, свою волю въ народномъ собраніи,—продающихъ, въ сущности, самихъ себя и свое государство. Общія нужды забыты, каждый думаетъ только о себѣ, о томъ, какъ бы урвать по больше для себя изъ общенароднаго достоянія.

Олигархическія государства не могутъ долго жить, и разрушаются. Сперва ихъ раздираютъ внутренніе перевороты, гдѣ одна шайка властителей смѣняетъ другую, затѣмъ, наряду съ всеобщимъ стремленіемъ къ легкой нечестной наживѣ, наступаетъ общій хозяйственный упадокъ, обнищаніе народа, и наконецъ—полное уничтоженіе государства, которое попадаетъ подъ власть болѣе сильныхъ и здоровыхъ сосѣдей.

Такъ было и съ республиками древней Греціи. Онѣ были легко покорены царемъ сосѣдней Македоніи, затѣмъ перешли во владѣніе древней Римской имперіи и наконецъ, составили часть Византійской монархіи—вплоть до покоренія ея турками.

III.

Кромѣ греческихъ республикъ существовала еще въ древнее время республика Римская.

Ея судьба была нѣсколько иною. Какъ и въ Греціи, она сначала ограничивалась предѣлами одного только города Рима, гдѣ народъ самолично правилъ государствомъ на городской площади (которая называлась „форумъ“). И здѣсь были у него страхъ и опасеніе, чтобъ власть не захватило бы одно лицо, и не установилось бы единодержавіе. Однако выдающихся людей отправляли здѣсь не за предѣлы государства, но

за продѣлы одного только Рима, притомъ—не въ ссылку, а на правительственную службу. Дѣло въ томъ, что Римская республика быстро разросталась, но, подчиняя себѣ сосѣднія области и земли, не давала ихъ жителямъ общегосударственныхъ правъ и оставляла эти права только за такъ называемыми „римскими гражданами“—то есть, въ сущности, первоначально только гражданами самаго города Рима, а впослѣдствіи—также еще и другими подданными республики, которымъ особыми законами предоставлялись права того-же „римскаго гражданства“.

Итакъ, съ теченіемъ времени подъ властью Рима оказалось много земель безправныхъ, гдѣ народъ не участвовалъ въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Туда то и отправлялись выдающіеся люди республики, пробывшіе положенный срокъ у власти въ самомъ Римѣ по выборамъ народнаго собранія. Отправлялись они,—какъ сказано, вовсе не въ ссылку, но въ качествѣ правителей подчиненныхъ Риму областей. Подъ ихъ начальствомъ были цѣлыя арміи солдатъ и они съ ихъ помощью покоряли новыя страны. Но появляться въ самомъ Римѣ или вступать на смежную съ нимъ почву они въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не имѣли права и сдѣлавъ это, считались бы государственными преступниками.

Кончилось однако тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, Юлій Цезарь, всетаки перешелъ со своими войсками запретную границу, правда, послѣ долгихъ колебаній. А вслѣдъ затѣмъ, раздѣлавшись со своими врагами въ Римѣ, онъ сталъ настоящимъ властителемъ всей Римской державы. Племянникъ его, Октавій Августъ, правилъ государствомъ уже въ санѣ императора.

Но такой переворотъ вовсе не былъ случайнымъ и не повелъ къ разрушенію государство. Напротивъ, онъ укрѣпилъ его и соединилъ въ одно могучее цѣлое къ общему благу всѣхъ населявшихъ его народовъ.

Ибо дѣйствительно, къ тому времени Римская республика давно уже перестала быть правленіемъ народа. То, что попрежнему называлось еще въ ней народнымъ собраніемъ, представляло безпорядочную Римскую чернь, падкую на всякія подачки. Народные выборы обратились въ почти поголовный подкупъ избирателей, причемъ, иные расточали цѣлыя огромныя состоянія, въ расчетѣ вновь нажить ихъ, ставъ у государственной власти. Самъ Цезарь былъ не чуждъ этого грѣха, и сдѣлавшись единодержавнымъ правителемъ, легко успокоилъ Римскую чернь, давъ ей, по принятому тогда обычаю, даровые обѣды и безплатныя развлеченія. „Хлѣба и зрѣлищъ“—вотъ что требовали впослѣдствіи эти бывшіе римскіе республиканцы отъ своихъ императоровъ. И больше ничего!

Отсюда видно, что Римская республика къ концу своего существованія была еще хуже, чѣмъ греческія олигархіи. Она была такъ называемой „охлократіей“, т. е. господствомъ толпы, господствомъ уличной черни. Въ то время, какъ въ Греціи кучка ловкихъ дѣльцовъ распоряжалась достояніемъ одного города, здѣсь одинъ городъ Римъ владычествовалъ надъ цѣлымъ рядомъ странъ Европы, Африки и Азіи, а въ самомъ городѣ, гдѣ для большинства населенія не было до этихъ странъ ровно никакого дѣла, распоряжалось опять таки малое сравнительно число ловкихъ людей, не брезгавшихъ средствами, чтобъ залучить голоса темной черни, въ надеждѣ возвратить затраты за счетъ общенароднаго богатства.

Какъ ни потрясали Римскую имперію послѣдовавшіе затѣмъ монархическіе перевороты, какъ ни великъ былъ произволъ многихъ изъ ея императоровъ,—монархія все таки спасла разлагавшееся въ гниль республиканское государство. И Римская имперія просуществовала потомъ еще цѣлый рядъ вѣковъ, пока не сломили ея силу молодые, новые народы. Но и эти народы вовсе не имѣли у себя республиканскаго устройства....

IV.

Прослѣдивъ жизнь республикъ древняго мира, нетрудно прійти къ мысли, что, въ сущности, всякая республика должна неминуемо закончиться либо охлократіей, либо олигархіей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ малъ народъ, и какъ бы ни были несложны дѣла его управленія, онъ **постоянно**, весь, **во всемъ своемъ составѣ,** не будетъ, непосредственно и постоянно править государствомъ. Ибо, чтобы подробно и близко разбираться въ дѣлахъ управленія, каждому пришлось бы почти совсѣмъ забросить собственныя хозяйственныя дѣла. Поэтому въ современныхъ республикахъ народъ правитъ (или предполагается, что правитъ), черезъ выборныхъ, которые въ свою очередь избираютъ изъ своей среды высшихъ должностныхъ лицъ государства. Выборы повторяются черезъ опредѣленные промежутки лѣтъ—не особенно долгіе. За нѣсколько времени передъ ними обыкновенно начинается такъ называемая выборная кампанія, въ которой участвуютъ политическія партіи, выставляющія своихъ кандидатовъ. Жизнь выработала цѣлый рядъ пріемовъ и способовъ предвыборной агитаціи, которые примѣняются болѣе или менѣе ловко и удачно всѣми состязающимися партіями, независимо отъ самой сущности ихъ политическихъ убѣжденій. Все сводится къ тому, чтобы такъ или иначе уловить голоса народной массы, которая вообще остается въ сторонѣ отъ предвыборной борьбы и ея шума. Огромное значеніе въ дѣлѣ такого улавливанія голосовъ имѣютъ, конечно, денежныя средства, необходимыя для изданія партійныхъ газетъ, брошюръ, воззваній и т. п. И почти всегда можно предсказать навѣрняка, что побѣдитъ на выборахъ та партія, которая затратитъ наибольшую сумму.

При такомъ порядкѣ вещей въ каждой изъ нынѣшнихъ республикъ образовался издавна особый классъ людей, спеціально занимающихся предвыборной борьбой. Они выработали въ себѣ для нея извѣстную ловкость и навыкъ, и большинство ихъ охотно отдаетъ свои услуги тому, кто лучше ихъ вознаградитъ. Сравнительно съ народной массой ихъ число невелико, но вся суть въ томъ, что они **дѣятельны** и организованы, а толпа неподвижна. И если она въ концѣ концовъ колеблется на выборахъ между той или другой партіей, то вовсе не потому, что политическія стремленія этихъ партій почти въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ ея стремленіямъ. А просто дѣло въ томъ, что предвыборныя организаціи соперниковъ, ихъ ловкость и затраты, оказываются приблизительно равными.

Такъ неминуемо должно быть **во всякой республикѣ**, гдѣ власть можетъ дать обладателю ея крупныя преимущества предъ остальными гражданами—и **ничего** иного быть не можетъ.

V.

Обратимся къ примѣрамъ. Передъ нами двѣ крупныхъ республики новѣйшаго времени: Франція и Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты.

Во Франціи вся государственная власть захвачена еврействомъ, крайне малочисленнымъ сравнительно съ прочимъ населеніемъ страны. Евреями же захвачена также вся печать и всѣ сколько нибудь крупныя и имѣющія значеніе на выборахъ политическія партіи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда тамъ выдвигаются независимыя и неугодныя имъ лица, дѣло кончается убійствами изъ-за угла. Такъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ убитъ президентъ республики Карно, а въ 1913 году честный редакторъ одной распространенной газеты Кальметтъ, и судъ оправдалъ его убійцу.

Еще лучшимъ показателемъ владычества евреевъ надъ Франціей можетъ служить примѣръ ихъ отношенія къ Церкви. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія они „отдѣлили“ ее отъ государства, закрыли рядъ монастырей и храмовъ, а въ остальныхъ запретили звонить въ колокола, якобы затѣмъ чтобы „не нарушать общественной тишины“. О томъ же, насколько такое воспрещеніе было угодно самому народу, можно видѣть изъ слѣдующаго: когда въ 1914 году началась война съ Германіей, и для обороны государства потребовались уже не однѣ только еврейскія деньги, но французскіе солдаты, французская народная кровь, тогда только республиканское правительство разрѣшило звонить въ церквахъ. И многія тысячи народа плакали отъ умиленія, впервые услышавъ этотъ звонъ. Значитъ, тяжело было народу не слыхать его въ теченіи ряда лѣтъ?

И все таки, считается, что французскій народъ взаправду управляетъ своей республикой...

Мы говорили уже, что олигархіи долго жить не могутъ, ибо пропитываются политическимъ развратомъ. Французская республика существуетъ съ перерывами всего немного болѣе ста лѣтъ, а между тѣмъ конецъ ея уже близокъ. Сейчасъ она считаетъ себя правда побѣдительницей нѣмцевъ, но одолѣла ихъ на самомъ дѣлѣ, конечно, не она. Наоборотъ она потерпѣла въ началѣ войны жестокое пораженіе, и только набѣгъ русской гвардіи на Восточную Пруссію помогъ ей сохранить столицу и создать противъ германцевъ новую оборонительную линію. Германію побѣдила только Англія, сумѣвшая вооружить противъ нея почти всѣ страны свѣта. Франція же уцѣлѣла искусственнымъ образомъ, и, какъ бы ни сложилась будущая жизнь европейскихъ народовъ, она черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сама себя вычеркнетъ изъ ихъ числа.

VI.

Перейдемъ къ Сѣверной Америкѣ. Ея Соединенные Штаты представляютъ самую крупную и могущественную республику нынѣшняго времени, не имѣющую сосѣдей соперниковъ, ибо всѣ прочія государства Сѣверной и Южной Америки, также республиканскія, заживо разлагаются, страдая отъ постоянныхъ внутреннихъ междоусобицъ.

Соединенные Штаты считаются однимъ изъ самыхъ демократическихъ государствъ, то есть такихъ, гдѣ дѣйствительно господствуетъ народъ и гдѣ ни одинъ классъ гражданъ не имѣетъ якобы преимуществъ передъ остальными. Посмотримъ однако, что происходитъ тамъ на самомъ дѣлѣ?

А происходитъ вотъ что: нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ, ни въ одной странѣ—монархической или республиканской—нѣтъ такого неравенства сословій, какъ именно въ Сѣверной Америкѣ. Нигдѣ нѣтъ того узко-замкнутаго круга богачей, какой сосредоточенъ на продолженіи всего нѣсколькихъ кварталовъ американскаго города Нью-Іорка и живетъ своей особенною жизнью. Эти богачи, которые полушутя, полусерьезно зовутся „королями“, владѣютъ сказочными капиталами, приносящими такой доходъ, что если расчитать его не по годамъ, не мѣсяцамъ и даже не недѣлямъ, но по часамъ и по минутамъ, то оказывается, что въ каждую минуту времени любому „королю“ приносится доходъ по нѣскольку тысячъ рублей—притомъ считая не на нынѣшнія наши русскія деньги, обезцѣненныя войной и революціей,—а на прежніе золотые рубли.

„Короли“ подѣлили между собой всю промышленность Сѣверной Америки по отдѣльнымъ ея видамъ: существуетъ „король“ желѣзнодорожный, керосиновый, мануфактурный, жестяный, стальной, мясной (мясныхъ консервовъ) и т. д. Ваѣ „королев-

скихъ“ производствъ не можетъ быть тамъ никакихъ другихъ, ибо они въ единый мигъ уничтожаются несравнимою по силѣ конкуренціей.

Каждый «король» имѣетъ собственные дворцы, имѣнія, роскошнѣйшіе поѣзда для путешествій по желѣзнымъ дорогамъ, свои пароходы—яхты для увеселительныхъ морскихъ прогулокъ. У каждаго огромный штатъ служащихъ и прислуги,—словомъ всѣ они живутъ и существуютъ много лучше подлинныхъ монарховъ. Лучше—потому, что вѣдь на нихъ не лежатъ заботы государственнаго управленія, и они не чувствуютъ отвѣтственности за благо страны

Американскіе «короли» зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобъ не смѣшивать свою кровь съ прочими гражданами Сѣверной Американской республики, не могущими соперничать съ ними толщиною кармана. Ихъ браки заключаются обыкновенно въ собственномъ кругу. и исключенія допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда выдаютъ замужъ дѣвушку за титулованнаго европейца—князя, графа, барона,—и тому подобное.

А наряду съ этимъ великолѣпнымъ существованіемъ королей—промышленниковъ,—существованіемъ, о которомъ въ Европѣ не имѣютъ даже точнаго понятія,—прозябаютъ милліоны американскихъ рабочихъ, ремесленниковъ и людей низшаго труда, живущихъ по фабричнымъ казармамъ и губящихъ свою силу и здоровье надъ работой, которая, быть можетъ, и нормирована опредѣленными часами дня, но несравненно тяжелѣе той, какую знаетъ нашъ русскій рабочій.

Вся жизнь американскаго фабричнаго связана съ тѣмъ предпріятіемъ, гдѣ онъ работаетъ, и онъ становится въ концѣ концовъ настоящимъ рабомъ этого предпріятія и его „короля“ хозяина.

Нечего и говорить, что вліяніе «королей» на политическую жизнь Америки неизмѣримо—громадно, и навряд ли существовалъ въ послѣдніе годы хоть одинъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, который былъ бы избранъ на эту должность помимо ихъ одобренія и согласія. А если такъ,—то развѣ они—не подлинные олигархи якобы свободной, демократической страны, которую прочно держатъ въ своихъ золотыхъ руковицахъ?

Да, внѣшняя мощь американской республики громадна. Но условія, развращающія и подтачивающія государство, въ ней на лицо, и неизвѣстно еще, будетъ ли она долговѣчной, Сравнительно съ монархіями, которыя живутъ почти что тысячами лѣтъ,—ея вѣкъ пока еще недолгій. И если, окруженная толпой живыхъ мертвецовъ, какими въ сущности являются всѣ остальныя республиканскія страны Америки, она не чувствуетъ пока нигдѣ напора со стороны какого нибудь болѣе здороваго государства, то это не значитъ еще, что она сама по себѣ жизнеспособна.

VII.

Только всего лишь одно изъ современныхъ намъ республиканскихъ государствъ живетъ въ здоровыхъ политическихъ условіяхъ, не подтачивающихъ его крѣпости и цѣлости. Это Швейцарія, о которой мы уже говорили выше. Но условія ея существованія совсѣмъ особыя и, пожалуй, даже, нѣсколько искусственныя. Дѣло въ томъ, что ей нѣтъ нужды заботиться о собственной внѣшней оборонѣ, о многочисленной арміи и флотѣ, ибо соглашеніемъ окружающихъ ее могучихъ державъ, которыя имѣли на нее одинаковыя, равныя притязанія и не смогли въ концѣ концовъ подѣлить ее между собою, она признана во вѣкъ **нейтральной**, то есть обезпеченной отъ всякаго внѣшняго посягательства, отъ внѣшней войны. Кромѣ того завоевывать Швейцарію нѣтъ никому и расчета, ибо это—страна гористая и покореніе ея было бы довольно

трудным дѣломъ, стоило бы многихъ жертвъ, которыя не оправдались бы впослѣдствіи выгодами завоеванія.

Итакъ—государственныя потребности Швейцаріи сравнительно невелики. Невелики также поэтому и государственные ея расходы, малочисленъ штатъ правительственныхъ чиновниковъ, и обладаніе властью не представляетъ въ ней такихъ выгодъ и преимуществъ, какъ въ другихъ республиканскихъ государствахъ. Слѣдовательно, ни для кого не можетъ быть расчета нести громадныя затраты на политическую борьбу и предвыборныя кампаніи и развращать, такимъ образомъ, народную массу избирателей.

Экономическая и хозяйственная жизнь Швейцарской, республики также какъ и политическая, отличается особенностями, рѣзко отграничивающими ее отъ всѣхъ другихъ странъ. Швейцарія не живетъ исключительно собственнымъ трудомъ и собственными средствами, но существуетъ за счетъ богатыхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ туда полюбоваться ея чудной горной природой. Вся она представляетъ, въ сущности, сплошную огромную гостинницу, переполненную пріѣзжающими всѣхъ націй, среди которыхъ преобладаютъ богатые англичане и въ особенности американцы. Тѣ и другіе оставляютъ въ Швейцаріи ежегодно столько денегъ, что для рядового швейцарскаго гражданина пожалуй, гораздо соблазнительнѣе заняться прибыльнымъ гостиничнымъ дѣломъ, нежели стремиться попасть на должность президента республики.

Наконецъ, по своему объему, Швейцарія совершенно ничтожна, да притомъ распадается еще на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ, равныхъ по площади нашему среднему уѣзду, а то—и волости. Здѣсь народъ можетъ, дѣйствительно, самъ править своимъ краемъ,—тѣмъ болѣе, что главной заботы управленія—о внѣшней оборонѣ—у него нѣтъ. И Швейцарія для всѣхъ прочихъ странъ и народовъ—не указъ и не примѣръ.

VIII.

Перейдемъ теперь къ Россіи. Всего за два съ половиной года, истекшихъ съ перваго дня мартовской революціи 1917 года, когда пала тысячелѣтняя монархія, мы успѣли видѣть предъ своими глазами всѣ образцы республиканской жизни и республиканскаго устройства. Ибо мы видѣли и олигархію, и охлократію, и выборы въ учредительное собраніе. И хотя все это происходило еще недавно, однако теперь уже забыто, а многое еще ни разу не удавалось точно разъяснить за шумомъ революціи и по причинѣ тѣхъ наивозможнѣйшихъ запретовъ и сѣсненій, какія принесла съ собою возвещенная ею „свобода“.

Вспомнимъ первые дни и недѣли послѣ отреченія императора Николая II и великаго князя Михаила Александровича. Вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ Россіи былъ предоставленъ всенародному учредительному собранію, а подготовить выборы въ это собраніе и продолжать управленіе государствомъ было предоставлено временному правительству, въ составѣ министровъ, избранныхъ и назначенныхъ государственною Думой.

Но какъ же стали исполнять эти министры свой отвѣтственный долгъ передъ народомъ?

Они сразу, съ мѣста забыли его, забыли свое положеніе временныхъ только управителей—и стали издавать новые основные государственные законы, расточая при этомъ безъ удержу русское народное достояніе. Они ограбили народъ, отнявъ у него самое драгоцѣнное его право—право законодательства и стали настоящими хищниками его богатства.

Первымъ ихъ шагомъ былъ щедрый даръ кучкѣ измѣнниковъ-финновъ, которымъ они отдали Финляндію, завоеванную въ 1811 году кровью русскаго народа. Это была первая ломка основныхъ законовъ бывшей Имперіи, совершенная безъ какой бы то ни было мысли объ Учредительномъ Собраніи и его правахъ.

Слѣдующимъ дѣломъ былъ приказъ о выпускѣ новой серіи бумажныхъ денегъ на сумму въ три милліарда (три тысячи милліоновъ) рублей, которые были нужны на покрытіе государственныхъ расходовъ, сразу возросшихъ изъ—за непомѣрнаго увеличенія штата правительственныхъ чиновниковъ, пополненнаго «своими людьми». Такого огромнаго выпуска бумажныхъ денегъ до тѣхъ поръ еще ни разу не предпринималось казной царскаго правительства. Послѣднее, вдобавокъ, спрашивало еще на то согласія законодательныхъ учрежденій—Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Временные же министры и не подумали кого либо спрашивать, хотя Дума и Совѣтъ были у нихъ подъ рукою. И это было нарушеніе такъ называемыхъ бюджетныхъ правъ народнаго представительства.

Худо ли, хорошо ли была избрана Государственная Дума, пережившая мартовскій переворотъ 1917 года и сама принимавшая въ немъ участіе, но, какъ никакъ, она все же имѣла за собой народные выборы, выражала народную волю и съ честью и достоинствомъ дѣлала это въ тяжелые годы войны. Царскихъ министровъ нерѣдко тогда упрекали въ томъ, что они слабо считаются съ ея голосомъ и вообще не проявляютъ къ ней достаточного уваженія. Но вотъ, исчезли эти царскіе министры, водворилось Временное Правительство—и что же?

Дума была совершенно забыта. Нѣтъ,—даже еще хуже. Она не забыта была, но загнана въ самые глухіе закоулки своего Таврическаго дворца, гдѣ собиралась чуть не тайкомъ, устраивая какія то робкія «частныя совѣщанія», тогда какъ въ залъ ея прежнихъ засѣданій была впущена толпа уличной черни Петрограда подъ названіемъ «Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». Здѣсь были новобранцы гвардейскихъ запасныхъ батальоновъ, никогда еще не бывшіе на фронтѣ и пуще всего опасавшіеся, какъ бы туда не попасть. Были, подъ видомъ рабочихъ представителей, недоучившіеся врачи, проворовавшіеся адвокаты, выгнанные за взятки канцелярскіе чиновники, контрабандисты, биржевые маклера и иные темные люди. Весь этотъ сбродъ, котораго было болѣе тысячи человѣкъ, кричалъ, шумѣлъ и волновался, но при своихъ голосованіяхъ непремѣнно слушался нѣсколькихъ главарей, которые учили его возсѣдать надъ Временнымъ Правительствомъ и, наблюдая за дѣйствіями послѣдняго, давать ему указанія. А вѣдь Временное Правительство управляло не одними только солдатами и рабочими Петрограда, и даже—не Петроградомъ только, но всей Россіей....

Такъ создавалась первая русская революціонная охлократія—господство взбунтовавшейся петроградской толпы. И оно вскорѣ обнаружилось самымъ разительнымъ образомъ.

IX.

Временное Правительство не должно было сдѣлаться долговѣчнымъ, и нелѣпымъ являлось возглашать ему, какъ было тогда приказано, многолѣтія на церковныхъ службахъ. Но тѣмъ не менѣе оно должно было оставаться безсмѣнно на посту вплоть до выполненія порученной ему задачи—созыва Учредительнаго Собранія. Ибо не существовало въ Россіи той государственной власти, которая имѣла бы право смѣнять и назначать министровъ. И что же?

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Временное Правительство пало, и на

смѣну ему явилось новое, неизвѣстно кѣмъ поставленное. Всего лишь одинъ въ немъ сохранился изъ первыхъ министровъ—депутатовъ Государственной Думы, и это былъ Керенскій. Онъ сталъ главою новаго министерства. А весь переворотъ произошелъ въ угоду все той же петроградской черни съ ея темными вожаками—въ угоду тому сброду, который назывался «Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ» и властвовалъ надъвсей Россіей.

Захватъ верховной власти правительствомъ Керенскаго былъ гораздо болѣе крупнымъ и беззаконнымъ государственнымъ переворотомъ нежели предыдущая мартовская революція. Онъ былъ явной побѣдой самой скверной охлократіи, которая въ свою очередь выдвинула не менѣе скверную олигархію.

Со дня вступленія Керенскаго въ управленіе страной начинается открытое попраніе правъ народа, граничащее съ прямымъ глумленіемъ и издѣвательствомъ. На ряду съ совѣтомъ министровъ, куда приглашены для виду представители отъ разныхъ слоевъ населенія, образуется при Керенскомъ «Совѣтъ пяти», который засѣдаетъ тайно и, какъ увидимъ дальше, стремится замѣнить собою учредительную волю народа, а чтобы бросить подачку продолжающей волноваться черни, создается нелѣпѣйшее и небывалое нигдѣ въ мірѣ учрежденіе съ именемъ «предпарламента» и ему отводится помѣщеніе въ Маріинскомъ дворцѣ въ Петроградѣ, выгоняя оттуда на улицу комиссію, подготовлявшую всероссійскіе народные выборы въ Учредительное Собраніе....

Олигархія работаетъ во всю. Министры и главнокомандующіе смѣняютъ другъ друга, появляясь и исчезая по мановенію невидимой руки. Кто, и какою властью выдвигаетъ ихъ и убираетъ прочь,—никто не знаетъ. На предстоящее Учредительное Собраніе, созывъ котораго все далѣе и далѣе отлагается, смотрятъ уже не какъ на выразителя народной воли, которая должна установить прочный государственный строй, но какъ на своего рода дореволюціонную Государственную Думу,—съ меньшими только, чѣмъ та, правами. И, вмѣсто вопроса о строѣ государства, для него заготовляютъ кучу мелкихъ законопроектовъ: объ ассигнованіяхъ, о штатахъ и объ примѣненіи такихъ-то и такихъ-то примѣчаній къ статьямъ Свода Законовъ....

И, какъ вѣнецъ всему этому, издаются два важнѣйшихъ государственныхъ акта.

Первый изъ нихъ—упраздненіе официально еще уцѣлѣвшаго, а на дѣлѣ—заплеваннаго и полуразбѣжавшагося народно-представительнаго учрежденія,—Государственной Думы четвертаго созыва—единственнаго остававшагося государственнаго учрежденія, законно и по извѣстнымъ правиламъ избраннаго всѣми губерніями и областями государства. Въ царскія времена подобный актъ считался бы крупнѣйшимъ нарушеніемъ народныхъ правъ, грубѣйшимъ государственнымъ переворотомъ. Но Керенская олигархія не остановилась передъ нимъ ни на минуту—настолько чужды были ей заботы о подлинномъ народномъ правѣ.

Второй олигархическій актъ, увѣнчавшій дѣло упраздненія народной воли, былъ еще наглѣе и грубѣе перваго. отъ было—провозглашеніе Россіи республикою,—провозглашеніе, исходившее все Это того-же совѣта пяти лицъ при Александрѣ—Керенскомъ. Это было уже прямымъ установленіемъ новаго государственнаго строя, и Учредительному Собранію здѣсь ничего уже не оставалось дѣлать.

Это было, кромѣ того, еще и совершеннымъ упраздненіемъ смысла самыхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе. Ибо, разъ уже была объявлена республика, то слѣдовательно, не могло итти и рѣчи о монархіи, и поднимать вопросъ о ней, разъясняя ея пользу и преимущества въ предвыборныхъ собраніяхъ, было бы тяжкимъ

преступленіемъ, покушеніемъ на существующій государственный строй. Народъ не могъ уже голосовать за сторонниковъ и приверженцевъ монархіи. Онъ не могъ и не смѣлъ даже знать о нихъ, видѣть ихъ въ лицо, слушать ихъ рѣчи. Ему дано было право голосовать только за республиканцевъ.

Окончательно присвоивъ себѣ такимъ образомъ всю полноту верховной государственной власти,—вплоть до учредительной,—олигархическое правительство Керенскаго стало окружать себя также и подходящей обстановкой. Уже онъ самъ перебрался на жительство въ Зимній Дворецъ, спалъ на постели императора Александра III, и, назначивъ себя верховнымъ главнокомандующимъ, катался въ царскихъ поѣздахъ по городамъ Россіи, встрѣчаемый и провожаемый криками ура!—послѣ чего выражалъ благодарность чинамъ охраны за образцовый порядокъ и производилъ отличившихся на этомъ поприщѣ солдатъ-евреевъ въ офицерскіе чины.

А народъ?—для успокоенія ограбленнаго и оскорбленнаго народа была, въ расчетѣ на его темноту и необразованность, брошена самая гнусная подачка: **соблазнъ чужою землей**. И земля была расхватана почти въ единый мигъ. Но не простой подачкой оказались съ теченіемъ времени земельные посулы олигархическихъ властителей Россіи! Они воспользовались происшедшимъ разрушеніемъ права земельной собственности и захватили въ свое обладаніе какъ всѣ расхватанныя помѣщичьи имѣнія, такъ и исконную крестьянскую землю, назвавъ такой захватъ земельною «соціализаціей», передачей земли въ руки государства, которое, въ ихъ собственномъ лицѣ, должно было распоряжаться ею, раздавая въ краткосрочное пользованіе, кому угодно. И ограбленнымъ крестьянамъ нечего было на это возражать, ибо они сами передъ тѣмъ явились первыми захватчиками чужой земли.

X.

Итакъ, Россія стала настоящей олигархической республикой, которой предстояли первые всенародные политическіе выборы. Выборы въ то самое Учредительное Собраніе, въ которомъ уже по настоящему не оставалось ни малѣйшаго смысла и нужды.

Керенская олигархія жила недолго и пала въ скоромъ времени. Она слишкомъ увлекалась своимъ успѣхомъ и забыла угождать тому сброду, той петроградской толпѣ, которая поставила ее у власти. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались новыя лица—главари большевиковъ, и въ октябрѣ 1917 года произвели второй олигархическій переворотъ, убравъ Керенскаго съ товарищами и ставъ въ свою очередь на ихъ мѣста. Выборы въ Учредительное Собраніе происходили уже при нихъ.

Какъ-же они происходили?

Голосовавшему народу предложены были списки кандидатовъ нѣсколькихъ республиканскихъ партій, среди которыхъ главное мѣсто занимали большевики и соціалисты-революціонеры. О какихъ бы то ни было спискахъ монархистовъ и помину не было. Голосовать можно было только за какой нибудь опредѣленный списокъ, заранѣе заявленный казеннымъ учрежденіемъ, и никакого другого подавать было нельзя—всякій такой незаявленный списокъ признавался недѣйствительнымъ.

Избиратель, приходя на выборы, получалъ въ руки рядъ печатныхъ бумажекъ, на которыхъ были имена республиканскихъ кандидатовъ той или другой партіи. Одинъ изъ этихъ списковъ, ничего въ немъ не прибавляя и не измѣняя, онъ долженъ былъ опустить въ избирательный ящикъ, а остальные уничтожить.

Какой итогъ могъ получиться отъ подобнаго голосованія?

Народу предстояло сдѣлать выборъ между двумя партіями: съ одной стороны—

партіей большевиковъ, и съ другой—соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ прочіе пути были закрыты; соціалъ-революціонеры были партіей Керенскаго, партіей только что сверженнаго олигархическаго правительства; большевики представляли собой новую олигархію. Можно быть увѣреннымъ—и это далѣе будетъ доказано,—что обѣ партіи были одинаково чужды и нелѣпы народу. Но изъ нихъ двухъ въ данную минуту стояли у власти большевики, а потому всеобщая вражда была сильнѣе противъ нихъ, чѣмъ противъ ихъ соперниковъ, и огромное число избирателей, никогда не имѣвшихъ ничего общаго съ соціалъ-революціонерами, иные даже явные противники ихъ партіи, все же подавали голось за нее, только бы голосовать противъ большевизма. И побѣдилъ на выборахъ списокъ соціалъ-революціонеровъ..

А происшедшія затѣмъ событія блестяще доказали, что даже и эти соціалъ-революціонные избранники народа нисколько не явились его настоящими представителями, подлинными выразителями его стремленій и нуждъ, и что они были чужды ему не въ меньшей степени, чѣмъ любой дореволюціонный правительственный чиновникъ, котораго начальство всегда могло смѣстить, убрать и удалить въ отставку, не спрашивая ничьего согласія и не вызывая этимъ ни малѣйшаго волненія въ народныхъ массахъ.

Дѣйствительно, будь депутаты Учредительнаго Собранія 1917 года дѣйствительными избранниками народа, уполномоченными выразить его волю въ дѣлѣ устроенія государства на новыхъ началахъ—неужели могла бы найтись на всемъ пространствѣ Россіи какая бы то ни было сила, которой было бы позволено насмѣяться надъ ними, разогнать ихъ, какъ случайную уличную толпу, и разсадить ихъ по тюремнымъ застѣнкамъ?

А вѣдь это сдѣлали большевики въ первый же день собранія народныхъ депутатовъ, отрядивъ команду солдатъ—латышей подъ начальствомъ прапорщика Благонравова. Депутаты хорохорились, сперва держали себя вызывающе, потомъ, чувствуя что дѣло плохо, стали устраивать засѣданіе наспѣхъ, успѣли въ полчаса вновь объявить республику, постановить рѣшенія по земельному и нѣсколькимъ другимъ вопросамъ, и были наконецъ разогнаны силой, причемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе упорныхъ, солдаты выносили изъ зала засѣданія на рукахъ.

И все это сошло почти что незамѣтнымъ образомъ для всей Россіи! Народъ не вступился за депутатовъ, не защитилъ ихъ отъ насилія. Вотъ, поистинѣ, блестящій и разительный примѣръ того, насколько обезпечиваютъ республиканскіе порядки выборъ лицъ, дѣйствительно дорогихъ народу и правильно выражающихъ его чаянія.

Чтобы закончить описаніе недолгой жизни русской республики, остается напомнить только о тѣхъ способахъ, какими насаждался и насаждается еще пока въ ней республиканскій строй и духъ ея нынѣшними властителями—большевиками, съ одной стороны упорно именующими себя народнымъ правительствомъ, а съ другой—не менѣе упорно ведущими кровопролитную гражданскую войну противъ всѣхъ сословій того же народа.

Возглашенный Керенскимъ, республиканскій строй Россіи подтвержденъ большевисткими декретами, но рѣчи нѣтъ уже о всенародныхъ выборахъ, объ Учредительномъ Собраніи или хотя бы о законахъ, опредѣляющихъ порядокъ выборовъ въ высшія государственныя учрежденія страны и высшія правительственныя должности до президента включительно. Закона и выборныхъ порядковъ у большевиковъ не существуетъ, а вмѣсто этого насаждены повсюду Совѣты рабочихъ и красноармейскихъ депутатовъ, состоящихъ на службѣ центральнаго правительства и всецѣло отъ него зависимыхъ. Непокорные депутаты давно уже, и отовсюду, устранены, разстрѣляны.

разсажены по тюрьмамъ, и засѣдать въ любомъ Совѣтѣ можетъ только тотъ, кто записался въ партію большевиковъ-комунистовъ и во всемъ подчиняется приказаніямъ его главарей, сплошь евреевъ, засѣдающихъ во дворцахъ и православныхъ храмахъ Московскаго Кремля. Но, такъ какъ даже и при такихъ условіяхъ эти засѣдающіе въ Кремлѣ главари большевиковъ—олигархическіе правители Россіи—опасаются возможности всеобщаго возмущенія противъ ихъ самодержавной власти,—то ими учреждены еще извѣстные всему русскому люду заплечные застѣнки—„чрезвычайки", гдѣ палачи русскаго народа—китайскіе разбойники-хунхузы и латыши подъ предводительствомъ евреевъ и евреекъ убиваютъ и калѣчатъ всякаго, кто оказался имъ недостаточно рабски угодливымъ и покорнымъ.

Нѣтъ счету злодѣяніямъ этой нынѣшней русской олигархіи—олигархіи евреевъ, дѣйствующихъ подъ вымышленными русскими именами. Они и „отдѣлили" Церковь отъ государства, и воздвигли гоненіе на православныхъ пастырей, служителей Бога, и закрывали храмы, и разстрѣливали по городамъ рабочихъ, а по деревнямъ крестьянъ, истребляя цѣлыя села. И грабили народную казну и собранныя въ дворцахъ и музеяхъ народныя сокровища. И расточали русское золото, вывозя его заграницу въ уплату военной контрибуціи непріятелю, которому охотно уступили полъ Россіи, лишь бы самимъ владычествовать въ другой половинѣ. И спекулировали съ товарами и продовольствіемъ, отнимая то и другое у частныхъ торговцевъ чтобы затѣмъ продать и у купившаго отнять, ограбить... Все это дѣлалось открыто, все это мы видѣли, мы знаемъ,—и все это есть именно то, къ чему насъ привела—республика.

Упразднивъ монархическій строй, мы сразу опустились на самое дно республиканскаго, и сразу же нашли его неизбѣжный конецъ, не пройдя даже середины и начала. И остается лишь задать вопросъ—почему же не несетъ съ собою такого неминуемаго конца монархія?

XI.

Въ монархіяхъ, прежде всего, не существуетъ того главнаго избирательнаго начала, которое подтачиваетъ и рушитъ государство; нѣтъ доступа любому лицу къ верховной власти, и тому кто стоитъ у ней, наслѣдственному властителю страны—нѣтъ нужды постоянно, въ опредѣленные промежутки времени всѣми правдами и неправдами добиваться подтвержденія своихъ полномочій и власти путемъ общенароднаго голосованія. Ему не нужно выборныхъ пріемовъ, газетъ и агитаціи. И его власть просто не имѣетъ надобности развращать избирателя, такъ какъ это дѣлается въ республиканскихъ странахъ. Онъ не политическая партія, онъ стоитъ внѣ всякихъ партій и выше ихъ.

Точно такъ же, монарху нѣтъ надобности угнетать народъ и расточать народное достояніе, урывая оттуда что либо въ свою личную пользу, какъ это дѣлалось и дѣлается въ разлагающихся республиканскихъ государствахъ ихъ олигархическими владыками. Онъ призванъ къ власти не на срокъ и можетъ не бояться за ея устойчивость. Онъ пользуется по праву а не самочинному захвату—всѣми ея преимуществами, и лично **для себя** ему уже никакихъ новыхъ выгодъ и преимуществъ не приходится искать. Единственная цѣль, единое стремленіе, которое можетъ имѣть въ его глазахъ и смыслъ, и значеніе, заключается въ благополучіи подвластной ему страны, ростѣ ея духовной силы, военной мощи и накопленіи народнаго богатства—ибо величіе государства есть въ то же время и его собственное величіе. И никакой монархъ нигдѣ и никогда не станетъ сознательно итти по дорогѣ, ведущей къ ослабленію и упадку своей собственной державы. Онъ можетъ иногда невѣрно понимать ея дѣйствительныя нужды, можетъ оставаться чуждымъ и далекимъ отъ бытовыхъ условій жизни своего народа, можетъ окружить себя малоспособными и даже недобросовѣст-

ными министрами, которые используютъ его довѣріе во вредъ народу; наконецъ, если самъ онъ недалекъ и легкомысленъ, онъ можетъ иногда забыть свою обязанность заботы о народномъ благѣ. Но пожелать вреда народу,—на это неспособенъ будетъ ни одинъ монархъ, ибо никто не желаетъ вреда для самого себя.

Монархіи рушились и падали не разъ. Но этому всегда предшествовало превращеніе ихъ въ тѣ же самыя олигархіи, которыя разлагаютъ и республиканскія государства: вокругъ престола накоплялось сословіе людей, сначала заслонявшее отъ него народныя стремленія и нужды, а затѣмъ захватывавшее въ свои руки всю власть надъ государствомъ которая лишь по внѣшнему виду оставалась за монархомъ. Люди этого сословія, прикрываясь именемъ монарха, дѣйствовали такъ же какъ и всякіе другіе олигархи, притѣсняя и угнетая страну, чтобы обогащаться за ея счетъ. И народъ, поневолѣ приписывавшій всѣ ихъ поступки монарху, какъ единому носителю власти, возставалъ въ концѣ концовъ противъ его владычества. Такъ было во Франціи въ концѣ восемнадцатаго вѣка. и приблизительно то же произошло у насъ весною 1917 года, съ тою лишь разницей, что французскій народъ былъ дѣйствительно въ то время угнетенъ дворянами, окружавшими тѣснымъ кольцомъ неумнаго и слабовольнаго короля, тогда какъ у насъ имѣли мѣсто другія условія: и неудачная война, и бездарность и растерянность послѣднихъ царскихъ министровъ, загнѣздившаяся, по близости отъ царскаго престола, крупная государственная измѣна, и наконецъ, подпольное вмѣшательство въ наши дѣла со стороны иностранныхъ правительствъ, которымъ на руку была русская революція...

Чѣмъ шире государство, и чѣмъ болѣе оно разноплеменно, тѣмъ нужнѣе для него монархія, и тѣмъ менѣе оно способно быть республикой. Мы уже видѣли, какъ Римская республика спасла свое существованіе тѣмъ, что превратилась въ монархію, объединившую вокругъ себя и сплотившую въ одно цѣлое разноплеменные и разноязычные подвластные Риму народы. Въ новѣйшее время мы видимъ такую же разноплеменную и разноязычную Австрію, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій держится одною только монархическою властью и нынѣ у насъ на глазахъ разлагается на части послѣ уничтоженія престола австрійскихъ императоровъ. Да развѣ не происходило то же и съ Россіей за всѣ послѣдніе два съ половиной года, когда едва не каждая изъ всѣхъ ея окраинъ, имѣвшая и даже порою не имѣвшая за собой самостоятельнаго прошлаго, вдругъ обнаружила стремленіе обособиться въ независимое государство. Развѣ не видѣли мы «самостійной» Украины, азербейджанской республики и самостоятельной Грузіи? Развѣ не читаемъ мы о финляндской арміи, которая ужъ скоро годъ какъ «наступаетъ» на Петроградъ по просьбѣ нашихъ западныхъ, съ позволенія сказать, «союзниковъ», признающихъ Финляндію за самостоятельное государство? Развѣ не мелькаютъ у насъ передъ глазами названія небывалыхъ державъ Латвіи и Бѣлоруссіи? Наконецъ, путешествуя въ предѣлахъ даже свободной отъ меньшевиковъ Россіи, развѣ не наталкиваемся мы на несуществовавшія до селѣ таможенныя границы, учрежденныя и поддерживаемыя мѣстными самочинными «правительствами?» и развѣ не стоитъ нынѣ передъ нами великая и тяжкая задача—собирать вновь воедино всю разсыпавшуюся и расхватанную Русь? Но даже и собравъ, народъ не сможетъ сохранить ее въ цѣлости безъ помощи монархіи. Республика вторично размететъ ее на части, какъ размела сейчасъ.

Россія по своему объему превосходитъ во много разъ всѣ остальныя государства: ея пространство вдвое больше Китая, въ два съ половиной раза больше Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ 35 разъ больше Австро-Венгріи, въ 41 разъ больше Германіи, въ 42 раза больше Франціи. Иныя губерніи и области ея сами

по себѣ равны государствамъ. Такъ напримѣръ, одна только Архангельская губернія превышаетъ Германію въ полтора раза.

Какая же можетъ здѣсь быть республика, и какимъ образомъ станутъ разбираться населяющіе столь необъятное пространство племена и народы въ томъ, кого имъ избирать во всеобщее всенародное собраніе,—куда-то, въ одинъ опредѣленный центръ, отстоящій отъ нихъ иногда на много тысячъ вереть? Какъ велико должно быть общее число выборныхъ, чтобы они могли дѣйствительно представлять собою всѣ части государства и все населеніе его окраинъ? Какимъ образомъ возможно будетъ установить порядокъ и обсуждать вопросы управленія въ многотысячномъ собраніи подобныхъ представителей? И наконецъ, если даже все это будетъ достигнуто, возможнымъ ли станетъ, положа руку на сердце, утверждать, что голосъ подобнаго собранія есть дѣйствительно подлинный голосъ народный, а не итогъ взаимнаго поверхностнаго знакомства отдѣльныхъ его членовъ, силы слова и убѣжденія наиболѣе даровитыхъ въ немъ ораторовъ а, главное,—всевозможныхъ партійныхъ и групповыхъ договоровъ и соглашеній, которыя способны измѣняться каждую минуту? Дай Богъ, чтобы Россіи удалось созвать теперь въ недалекомъ будущемъ, хоть бы лишь одно правильное и въ самомъ дѣлѣ всенародное собраніе. Дай Богъ, чтобы оно дѣйствительно сумѣло выразить волю народа. Но повторять его хотя бъ изъ пятилѣтія въ пятилѣтіе для выборовъ президента Россійской республики, это означало бы—просто повторять печальный опытъ прошлаго и отдавать народъ на позоръ и разтерзаніе его сознательнымъ и безсознательнымъ врагамъ, и прежде всего евреямъ!

Такъ или иначе, Россія въ концѣ концовъ будетъ всетаки монархіей. Она будетъ ею потому, что народъ ея еще способенъ жить, и хочетъ—жить, а безъ Царя немыслима единая, могучая и недѣлимая Россія. Но слишкомъ дорогою цѣной и неисчислимыми жертвами платитъ народъ за кровавый опытъ, который приводитъ его къ ясному государственному сознанію, къ пониманію того, что ему нужно, и безъ чего ему не обойтись. И священный долгъ каждаго, кто понялъ это раньше другихъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть глаза народу на смыслъ минувшаго и тѣмъ избавить его отъ дальнѣйшихъ страданій, пока все еще мучительно длящагося государственнаго опыта.

Почему Россія можетъ существовать только подъ властью Монарховъ? *).

I.

Не случайно и не подъ вліяніемъ политическихъ ошибокъ развилась и окрѣпла въ Россіи монархія, а въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ безпримѣрною громадностью той территоріи, которую суждено было культивировать и сплотить въ одно государство русскому народу. Онъ никогда не раздвинулъ бы границъ Имперіи отъ Вислы и Прута до Восточнаго океана и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Арарата и Памировъ, еслибъ не былъ руководимъ государями.

Въ небольшихъ государствахъ возможна демократія, подъ которой Татищевъ разумѣлъ участіе всего народа въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ державахъ средней величины можетъ быть полезна аристократія или «избранное правительство» (т. е. народное представительство). Великимъ же и пространнымъ государствамъ необходимо Единодержавіе. Все это Татищевъ повторялъ и доказывалъ и въ 45-ой главѣ первой книги своей «Исторіи», причемъ ссылался на древне-восточныя монархіи, а также на Западную Римскую и Греческую имперіи въ подтвержденіе того, что большія государства бываютъ могущественны лишь до тѣхъ поръ, пока пребываютъ подъ властью монарховъ; съ ея ограниченіемъ они погибаютъ.

Въ «Наказѣ» Екатерины II (глава II) находимъ слѣдующія положенія:

„Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару".—Теперь Россія простирается почти на сорокъ два градуса отъ сѣвера къ югу, а отъ запада къ востоку почти на сто семьдесятъ три градуса.

„Пространное государство предполагаетъ монархическую власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ.

„Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно".

Въ запискѣ Карамзина „О древней и новой Россіи" говорится, что „столь великую махину", какъ Россія, ни что не можетъ приводить въ дѣйствіе, кромѣ монархіи.

Русскіе люди, дорожившіе и дорожащіе единствомъ и цѣлостью Имперіи, всегда стояли и будутъ стоять за монархію. И это совершенно понятно: только монархи могутъ управлять такой колоссальной державой, какъ Россія. Понятно также, почему враги монархіи всегда обнаруживали склонность къ расчлененію нашей родины на составныя части и къ поощренію нашего окраиннаго сепаратизма.

Но можетъ быть Россіи всего лучше было-бы распасться на нѣсколько независимыхъ организмовъ? Этотъ вопросъ, видимо, интересовалъ еще барона Гакстгаузена, и умный иностранецъ такъ рѣшилъ его:

---

*) По Черняеву.

„Россіи предстоитъ въ ея внутреннемъ развитіи большая будущность. Ея государственное единство составляетъ естественную необходимость. Все земельное пространство ея раздѣлено самою природою на четыре колоссальныя части, изъ которыхъ ни одна не представляетъ условій для полной самостоятельности, а всѣ вмѣстѣ образуютъ могущественное и независимое государство. Весь сѣверъ покрытъ лѣсами и, между прочимъ, однимъ непрерывнымъ лѣсомъ, занимающимъ пространство больше, чѣмъ вся Испанія. Затѣмъ идетъ полоса земли слабой или средней производительности, отъ Урала до Смоленска, заключающая въ себѣ 18,000 квад. миль; все ея населеніе занято обширнѣйшею и разнообразнѣйшею промышленною дѣятельностью, но оно не можетъ существовать безъ примыкающихъ къ нему съ сѣвера лѣсовъ, а съ юга безконечно плодоноснаго чернозема. На югъ отъ нея лежитъ черноземная полоса, равная которой по плодовитости и обширности едва-ли есть на земномъ шарѣ: она вдвое болѣе всей Франціи. Тутъ сѣютъ пшеницу сотни лѣтъ на той же землѣ одну за другой безъ удобренія. Почти на всемъ пространствѣ земля эта не удобряется, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не пашется, а только раздирается слегка передъ посѣвомъ. За отсутствіемъ лѣсовъ, солома и навозъ идутъ на отопленіе. Къ югу и юго-востоку начинаются необозримыя степи, большею частію плодоносныя и теперь постепенно все болѣе и болѣе разрабатываемыя колонистами, поселяющимися въ отдѣльныхъ пунктахъ, въ видѣ оазисовъ; за исключеніемъ этихъ пунктовъ, по всѣмъ степямъ кочуютъ номады. Какъ скоро удастся въ этихъ земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю, развести лѣса и какъ скоро населеніе достаточно возрастетъ, то вся эта мѣстность станетъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ Европы“.

Присоединяясь къ выводамъ барона Гакстгаузена, знаменитый нѣмецкій стратегъ Мольтке въ своихъ „Письмахъ изъ Россіи“ писалъ: «Много говорили о томъ, что это огромное государство неминуемо распадется, при увеличеніи его народонаселенія, но забываютъ при этомъ, что ни одна часть, его не можетъ существовать безъ другой: богатый лѣсами сѣверъ не можетъ обойтись безъ обильнаго хлѣбомъ юга, промышленная же коренная Россія не можетъ обойтись безъ обѣихъ окраинъ, внутреняя же ея часть—обойтись безъ приморскихъ областей или безъ четыре-тысячи-верстнаго воднаго пути Волги“.

Единство Россіи держится и можетъ держаться только на монархіи.

Проф. Янсонъ въ своей книгѣ «Сравнительная статистика Россіи» (I, 1878 г., стр. 12—13) говоритъ:

„Климатическія условія разныхъ мѣстностей Россіи представляютъ большое разнообразіе, по отношенію къ распредѣленію какъ температуры, такъ и влаги. Въ ней есть мѣстности, гдѣ средняя температура самаго жаркаго мѣсяца не превышаетъ 3° С.; и есть такія, гдѣ самый холодный мѣсяцъ имѣетъ+4 или+5° С.; въ однѣхъ почва не замерзаетъ вовсе, въ другихъ она никогда не оттаиваетъ и покрыта почти весь годъ снѣгомъ. Есть мѣстности, гдѣ лѣтнія засухи, незначительная продолжительность безснѣжной зимы обусловливаютъ кочевое состояніе населенія; есть, наоборотъ, такія, гдѣ изобиліе влаги въ связи съ высокою температурою позволяютъ существовать виноградію, разведенію хлопка, дѣлаютъ господствующею культуру пшеницы и кукурузы“.

Россія разсыпалась бы на свои составныя части, еслибъ цѣлость Имперіи не покоилась на твердыхъ скрѣпахъ монархическихъ началъ, парализующихъ значеніе климатическихъ особенностей нашей родины.

II.

Этнографическій составъ населенія Россіи также указываетъ на необходимость монархіи въ видахъ единства Имперіи. Русскій народъ составляетъ въ Россіи громадное большинство, но, вѣдь, и онъ состоитъ изъ трехъ племенъ, жившихъ когда-то отдѣльно одно отъ другого и имѣющихъ немало своеобразныхъ оттѣнковъ и въ языкѣ, и въ бытѣ, и въ характерѣ, и во всемъ духовномъ складѣ. А какихъ племенъ и народовъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего отечества! Литовское племя имѣетъ своими представителями литовцевъ, жмудиновъ и латышей; финское племя—финновъ, кареловъ, эстовъ и ливовъ (чудь), лопарей, мордву, черемисовъ, вотяковъ, пермяковъ, зырянъ, вогуловъ, самоѣдовъ, остяковъ и соотовъ; тюркское племя—татаръ, башкиръ, чувашей, сартовъ, таджиковъ, киргизовъ, каракалпаковъ, туркменъ, ногайцевъ, кумыковъ, якутовъ; монгольское племя—бурятовъ, тунгузовъ, калмыковъ; карталинское племя—грузинъ, имеретинцевъ, гурійцевъ, и др., иранское племя—армянъ, осетинъ, курдовъ, и т. д.; кавказское горское племя—чеченцевъ, аварцевъ, адыге, кабардинцевъ и проч.; германское племя—нѣмцевъ, шведовъ и норвежцевъ; пеласги-грековъ, романское племя—румынъ. Кромѣ того, въ предѣлахъ Россіи живутъ коряки, чукчи, камчадалы, аэносы, китайцы, японцы, корейцы. Въ Россіи же живетъ большая часть еврейскаго племени, разбросаннаго по всему міру. Несмотря на эту ужасающую этнографическую разношерстность населенія, выражающуюся и въ различіи религіозныхъ культовъ, исповѣдываемыхъ въ Россіи, и въ различіи языковъ, которое можетъ озадачить любого лингвиста,—ядро населенія Россіи составляетъ русскій народъ. Но и русскій народъ, какъ было уже замѣчено, не составляетъ одноцвѣтной массы, причемъ часть его находится въ старообрядчествѣ и въ расколѣ, распадающемся на множество толковъ и сектъ. Этнографическія особенности Россіи отражаются и на ея законодательствѣ. Какіе только законы не дѣйствуютъ въ предѣлахъ Россіи! Въ Россіи дѣйствуетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ законовъ: законы Финляндіи, законы остзейскіе, законы еврейскіе, мусульманскіе законы, законы грекоримскіе, обычаи восточныхъ инородцевъ и т. д. Даже въ коренныхъ губерніяхъ Россіи, на ряду со Сводомъ законовъ, дѣйствуетъ множество мѣстныхъ обычаевъ и такъ, что пословица „Что городъ, то норовъ, что деревня, то и обычай“, доселѣ не утратила у насъ своего значенія.

Этнографическимъ разнообразіемъ населенія Россіи обусловливается и его разнообразіе въ религіозномъ и, вообще, культурномъ отношеніи. Въ предѣлахъ Россіи живутъ какъ племена, достигшія значительной и даже высокой цивилизаціи, такъ и племена, приближающіяся къ полудикарямъ и даже къ дикарямъ. Въ предѣлахъ Россіи живутъ племена, среди которыхъ нельзя встрѣтить ни одного неграмотнаго, а также и племена, неимѣющія о грамотности даже отдаленнаго представленія.

Очевидно, что имперія съ такими этнографическими особенностями, какъ Россія, не сохранила-бы своей цѣлости и своего единства, еслибъ не управлялась монархами.

Этнографическія особенности Россіи столь разительны, что онѣ бросаются въ глаза даже иностранцамъ. Итальянецъ Карлетти въ своихъ очеркахъ „Современная Россія“ (пер. А. Волховской) высказываетъ глубокое убѣжденіе, что царская власть образовалась въ Россіи въ силу необходимости и имѣла самое благодѣтельное вліяніе на ходъ русской исторіи.

Карлетти начинаетъ вторую главу своей книги историческимъ очеркомъ нашей монархіи и затѣмъ спрашиваетъ:

„Возможно-ли Россіи учредить палату депутатовъ на подобіе нашей, итальянской, или французской, или англійской?—Чисто народное управленіе возможно лишь въ

странѣ, гдѣ составъ населенія однопленный и гдѣ разность въ культурѣ, умственномъ развитіи, нравственности, вѣроисповѣданіи и духѣ не слишкомъ рѣзко ощущается въ населеніи. Представительный образъ правленія прежде всего ведетъ за собою борьбу принциповъ; гдѣ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ различныхъ идеаловъ, подобная форма удовлетворяетъ потребностямъ націи, если-же нѣтъ, то, говоря словами Катаньо, —это выходитъ плохо смазанное колесо, вертящееся съ шумомъ, а иногда лишь шумящее, но вовсе не вращающееся".

«Бросимъ взглядъ на этнографическую карту Европейской Россіи, изданную Риттихомъ, и на карту Сибири Венюкова. На нихъ обозначено не менѣе пятидесяти различныхъ народностей, по крайней мѣрѣ тридцать различныхъ вѣроисповѣданій и отъ 15—20 нарѣчій *) Россія находится между двумя полюсами: съ одной стороны, самое утонченное европейское просвѣщеніе, съ другой—самое постыдное варварство; здѣсь Православіе,—тамъ грубое суевѣріе и идолопоклонство; рядомъ съ языкомъ Пушкина и Рунеберга раздаются звуки дикихъ, почти обезьяньихъ нарѣчій.—Вообразите себѣ парламентъ, куда входитъ и самоѣдъ, одѣтый въ оленью шкуру, и киргизъ въ своей тюбетейкѣ, и калмыкъ въ шелковомъ или бархатномъ бешметѣ, и армянинъ въ своемъ черномъ кафтанѣ, и черкесъ въ башлыкѣ изъ верблюжьей шерсти съ наборомъ снарядовъ на груди, и грузинъ въ архалукѣ и чокѣ съ длинными расшитыми рукавами, а затѣмъ уже слѣдуетъ великороссъ,—бѣлорусъ, корелецъ, мингрелецъ, татаринъ, молдаванинъ и персъ. Подумайте, какіе тутъ могутъ быть однородные идеалы и партіи, когда великороссъ будетъ стоять на своихъ консервативныхъ началахъ, малоросъ начнетъ увлекаться демократическими стремленіями, финляндецъ выдвинетъ свою конституцію, а монголъ—станетъ придерживаться авторитетныхъ преданій прежней власти???

«Вообразите себѣ, какъ стали-бы враждовать между собою различныя вѣроисповѣданія: Православіе москвича, протестантизмъ западнаго прибалтійскаго края, католицизмъ поляковъ, магометанство монголовъ и турецко-татарскихъ народовъ, прибавьте сюда еще огнепоклонниковъ изъ Сибири, различныя старовѣрческія секты, евреевъ-талмудистовъ и караимовъ, буддистовъ, сунитовъ и шіитовъ. Кто можетъ смирить и привести къ согласію всѣ эти разнородныя стремленія, вѣроисповѣданія, идеалы? Одинъ лишь принципъ царской власти. Надо въ этомъ сознаться".

Такъ разсуждаетъ Карлетти, котораго, какъ итальянца, ужъ, конечно, нельзя заподозрить въ предубѣжденіи противъ парламентаризма и вообще конституціонныхъ началъ...

III.

Въ связи съ этнографическими особенностями Россіи находится и еще одна причина, въ силу которой Россія можетъ быть управляема только монархической властью. Мы говоримъ о совершенной невозможности существованія въ Имперіи общественнаго мнѣнія, т. е. единства взглядовъ на всемъ пространствѣ государства на разные государственные вопросы. А безъ общественнаго мнѣнія и правильно организованныхъ партій немыслимъ никакой конституціонный режимъ. Считаемъ не лишнимъ привести по этому поводу отрывокъ изъ книги покойнаго Н. А. Любимова.

„Политическая метафизика общественнаго мнѣнія необходимо приводитъ къ идеѣ о представительствѣ, постоянномъ или временномъ, въ той или другой формѣ. По теоріи, дѣло представляется просто. Выборные излюбленные люди явятся предъ правительствомъ уполномоченными представителями этого мнѣнія. При этомъ предполага-

*) Въ дѣйствительности несравненно больше.

ется, что мнѣніе уже существуетъ готовое, и они только носители его. На самомъ дѣлѣ, однако, нѣтъ реальной вещи, которую можно-бы назвать общественнымъ мнѣніемъ. Въ собраніе приносятся самые разнообразные и обыкновенно болѣе или менѣе разнородные мотивы. Носители мнѣнія становится и его творцами, начинается борьба не безплотныхъ мнѣній, а живыхъ людей, соединяющихся въ партіи. Словомъ, все превращается въ борьбу партій. Но борьба партій есть борьба за власть. Требуется соединеніе особыхъ условій, чтобы государственный корабль могъ плыть, когда у кормила его происходитъ непрерывная борьба и множество рукъ, отталкивая однѣ другія, хватаются за рулъ. Въ Англіи лишь многовѣковый опытъ, при условіи аристократическаго устройства страны, при особенностяхъ національнаго характера, подъ связующимъ дѣйствіемъ монархическаго начала, прочнаго, оцѣненнаго, могъ обратить борьбу партій въ правильную и сильную правительственную систему».

„Осуществить идею въ нашихъ условіяхъ значило бы возвести партіи—и какія притомъ? неопредѣлившіяся, сбивчивыя, легкомысленныя партіи—въ государственную силу и дать имъ оружіе въ руки для истребительной борьбы не только между собою, но и на гибель общимъ государственнымъ интересамъ. А окраины, а инородцы? Какой вихрь центробѣжныхъ стремленій былъ бы необдуманно вызванъ безъ пользы и цѣли!“ (289 и 290).

IV.

Ю. Ѳ. Самарину принадлежитъ великая заслуга правильной постановки вопроса о нашихъ окраинахъ. «Окраины Россіи» Самарина представляютъ одно изъ блестящихъ проявленій русской политической мысли. Авторъ не довелъ своего труда до конца, но онъ намѣтилъ тотъ путь, котораго слѣдуетъ держаться при обсужденіи положенія всѣхъ нашихъ инородцевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые заявляютъ претензіи на привилегированную и командующую роль въ тѣхъ или другихъ областяхъ Имперіи. Россія должна быть Россіей и не на словахъ только. Вотъ основной принципъ русской государственности. Этотъ принципъ не могъ бы быть сохраненъ и проведенъ въ жизни, еслибы Россія не управлялась монархами. Еслибы она не управлялась ими, она утратила бы свой русскій характеръ, и сдѣлалась бы жертвою національныхъ споровъ и раздоровъ. Будучи хранительницею неотъемлемыхъ правъ русскаго народа, трудами и геніемъ котораго создана Россійская Имперія, царская власть является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защитницею всѣхъ справедливыхъ требованій и неотъемлемыхъ правъ нашихъ инородцевъ. Въ «Московскомъ Сборникѣ» К. П. Побѣдоносцева вѣрно указывается, что демократическая форма правленія съ ея многолюдными представительными собраніями совершенно непригодна для примиренія запутанныхъ и противорѣчивыхъ притязаній различныхъ національностей, входящихъ въ составъ одного и того же общества. Доказательство на лицо—Австрія. Отмѣтивъ слабыя стороны представительства, «Московскій Сборникъ» говоритъ:

«Эти плачевныя результаты всего явственнѣе обнаруживаются тамъ, гдѣ населеніе государственной территоріи не имѣетъ цѣлаго состава, но заключаетъ въ себѣ разнородныя національности. Національзмъ въ наше время можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ обнаруживается лживость и непрактичность парламентскаго правленія. Примѣчательно, что начало національности выступило впередъ и стало движущею и раздражающею силою въ ходѣ событій именно съ того времени, какъ пришло въ соприкосновеніе съ новѣйшими формами демократіи. Довольно трудно опредѣлить существо этой новой силы и тѣхъ цѣлей, къ какимъ она стремится; но несомнѣнно, что въ ней—источникъ великой и сложной борьбы, которая пред-

стоитъ еще въ исторіи человѣчества, и невѣдомо къ какому приведетъ исходу. Мы видимъ теперь, что каждымъ отдѣльнымъ племенемъ, принадлежащимъ къ составу разноплеменнаго государства, овладѣваетъ страстное чувство нетерпимости къ государственному учрежденію, соединяющему его въ общій строй съ другими племенами, и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе, со своею, нерѣдко мнимою, культурой. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и, въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру,—но и съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическою жизнью. Монархія успѣвала устранять или примирять всѣ подобныя требованія и порывы,—и не одною только силой, но и уравненіемъ правъ и отношеній подъ одною властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться, и инстинкты національнаго служатъ для нея разъѣдающимъ элементомъ: каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей —не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племеннаго раздраженія, племенной ненависти и къ господствующему племени, и къ другимъ племенамъ, и къ связующему всѣ части государства учрежденію. Какой нестройный видъ получаютъ въ подобномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе,—очевидно тому примѣромъ служитъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменомъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ—всероссійскаго парламента!

V.

Исторія свидѣтельствуетъ, что на православной почвѣ не могутъ процвѣтать ни республиканскій строй, ни конституціонно-монархическій режимъ. На православной почвѣ развивалась и долго держалась только монархія. Доказательствомъ служитъ Византійская имперія и Россія. Парламентаризмъ, искусственно привитый православнымъ державамъ Балканскаго полуострова, ничего не далъ, кромѣ, безтолочи, политическихъ ошибокъ, партійной грызни и иныхъ бурь въ стаканѣ воды и это не можетъ быть объяснено случайностью,—оно доказываетъ, что народы, воспитанные въ духѣ Православія, неминуемо тяготѣютъ къ твердому монархическому строю.

Духъ христіанства требуетъ устроенія государства по образцу Церкви. Онъ требуетъ, чтобы государство содѣйствовало прежде всего душевному спасенію людей. Съ этой, именно, точки зрѣнія христіане первыхъ вѣковъ относились ко всѣмъ государственнымъ вопросамъ.

„Царство Мое не отъ міра сего“, сказалъ Спаситель. А такъ какъ христіанство дорожило прежде всего Царствомъ Христовымъ, то оно не могло не стремиться, чтобы и земныя царства носили на себѣ печать освященія. Христіанству не было надобности давать міру какой-либо новый политическій идеалъ организаціи государствъ. Цари-Помазанники вотъ тѣ властелины, къ которымъ тяготѣли христіане болѣе, чѣмъ ко всякимъ инымъ правителямъ. Повелѣвъ воздавать Кесарево Кесарю, Іисусъ Христосъ тѣмъ самымъ произнесъ осужденіе возстаній противъ Кесаря и какихъ бы то ни было посягательствъ на его права. Въ христіанскомъ мірѣ не было религіозной опоры для аристократическаго и демократическаго режима. Изъ всѣхъ формъ правленія наслѣдственная монархія, въ которой власть переходитъ волею Божественнаго Промысла отъ одного лица къ другому въ силу рожденія, наиболѣе подходила къ духу хри-

стіанства. Вотъ почему народы, воспитавшіеся въ духѣ Православія, не могли и не могутъ освоиться съ какимъ либо режимомъ, кромѣ единовластія. Вотъ почему и всѣ православные народы, не знающіе ни римско-католическихъ, ни протестантскихъ религіозныхъ новшествъ, не знающіе ни властолюбиваго папства, ни безграничной свободы толкованія Священнаго Писанія, не могли освоиться съ представительными учрежденіями. по Западному образцу Православнымъ народамъ свойственно повиноваться Помазанникамъ Божіимъ, но совершенно несвойственно повиноваться тѣмъ или другимъ олигархамъ или демосу.

VI.

Чтобы убѣдиться, какъ тѣсно связано Православіе съ единодержавіемъ, достаточно указать на политическое ученіе Отцевъ Церкви. Вотъ ихъ слова, приводимыя въ § 117-мъ 1-го тома «Православно-догматическаго богословія» знаменитаго русскаго ученаго, Макарія (Булгакова), митрополита Московскаго:

Св. Иринея: По чьему повелѣнію рождаются люди, по повелѣнію того же поставляются и цари, приспособленные (apti) къ тѣмъ, надъ кѣмъ они царствуютъ. Ибо нѣкоторые изъ нихъ даются для исправленія и пользы подданныхъ, и сохраненія правды; нѣкоторые же для страха и наказанія, еще нѣкоторые для уничиженія народовъ, или для вызвышенія, смотря по праведному суду Божію, одинаково простирающемуся на все».

Св. Григорія Богослова: «Цари! познайте, сколь важно ввѣренное вамъ и сколь великое въ разсужденіи васъ совершается таинство. Цѣлый міръ подъ вашею рукою, сдерживаемый небольшимъ вѣнцомъ и короткою мантіею. Горнее принадлежитъ единому Богу, а дальнее и вамъ; будьте (скажу смѣло слово) богами для своихъ подданныхъ. Сказано (и мы вѣруемъ), что сердце царево въ рукѣ Божіей» (Прит. 21, 1).

Св. Іоанна Златоустаго: «Почему Апостолъ увѣщевалъ христіанъ, чтобъ они творили молитвы за царей (1 Тим. 2, 1)? Тогда цари были язычники, и потомъ прошло много времени, пока язычники преемствовали другъ другу на престолѣ... Чтобы душа христіанина, услышавъ это, не смутилась и не отвергла увѣщанія, будто должно возносить молитвы за язычника во время священнодѣйствій,—смотря, что говоритъ Апостолъ, и какъ указываетъ на пользу, дабы, хотя такимъ образомъ, приняли его увѣщаніе: да тихое, и безмолвное житіе поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Т. е., здравіе ихъ (царей) рождаетъ наше спокойствіе... Ибо Богъ установилъ власти для блага общаго. И не было ли бы несправедливымъ, если-бы они носили оружіе и ратоборствовали, чтобы мы жили въ спокойствіи, а мы даже не возносили бы молитвъ за тѣхъ, которые подвергаются опасностямъ и ратоборствуютъ? Итакъ, дѣло это (молитва за царей) не есть угодничество, но совершается по закону справедливости».

А вотъ слова митрополита Макарія:

«Богъ промышляетъ о царствахъ и народахъ».

«Св. Писаніе излагаетъ эту истину весьма раздѣльно, когда говоритъ:

1. Что Богъ есть верховный царь по всей земли (Пс. 46, 3, 8, 94, 2), что Онъ воцарися надъ языки, т. е. надъ народами (Пс. 46, 9), обладаетъ языки (—21, 29), призираетъ на языки (65, 7), наставляетъ языки (66, 5).

2. Что онъ—а) самъ поставляетъ царей надъ народами: владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ дастъ е (Дан. 4,22, 29; снес. Сир. 10,4); той поставляетъ цари и преставляетъ (Дан. 2,21), и каждому языку устроилъ вождя (Сир. 17,14; снес. Прем. 6, 1—3); б) поставляетъ, какъ видимыхъ намѣстниковъ своихъ въ каждомъ царствѣ; Азъ рѣхъ, бози есте, говоритъ Онъ имъ, и сынове Вышня-

го вси Пс. 81, 1—6; снес. Исх. 22,28) в) и съ этою цѣлію даруетъ имъ отъ себя держави и силу (Прем. 6, 4), єлеемъ святымъ своимъ помазуетъ ихъ (Пс. 88,21; снес. 1 Цар. 12,3—6; 16,3; 19,16; 24,7; Исаіи 41, 1), такъ что отъ того дне носится надъ ними Духъ Господень (1 Цар. 16, 11 - 13); г.) Самъ же наконецъ, и управляетъ чрезъ царей земными царствами: мною царствуютъ, говоритъ Онъ, царіе, и сильніи пишутъ правду (Прит. 8,15). Якоже устремленіе воды, присовокупляетъ Пророкъ, тако сердце царево въ рукѣ Божіей: амо же аще восхощетъ обратити, тамо уклонитъ е (Прит. 21,1).

3. Что Онъ—а) поставляетъ, черезъ Помазанниковъ своихъ, и всѣ прочія нисшія власти: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть (Рим. 13, 1); повинитеся убо всякому человѣчу начальству Господа ради; аще царю. яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ (1 Петр. 2, 13, 14), б) и поставляетъ, какъ слугъ своихъ, для устраненія счастія человѣческихъ обществъ: князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хощеши ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него; Божій бо слуга есть тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся; не бо безъ ума мечъ носитъ: Божій бо слуга есть, отмститель во гнѣвъ злое творящему. Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. Сего бо ради и дани даете: служители бо Божіи суть во истое сіе пребываюше (Рим. 13, 3—6).

Смѣло можно сказать, что въ Россіи нѣтъ и не было ни одного сколько нибудь выдающагося духовнаго писателя, который не разъяснялъ бы религіозно—политическаго значенія русскаго единодержавія, какъ христіанской монархіи. И въ новѣйшія времена русскіе архипастыри гораздо раньше представителей русскаго правовѣдѣнія занялись разработкою теоріи царской власти. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно указать на Тихона Задонскаго и на митрополитовъ московскихъ Платона и Филарета, на о. Іоанна Кронштадтскаго и на покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго.

VII.

Исторія славянъ доказываетъ, что представительное правленіе имъ не сродно. Въ началѣ исторической жизни всѣхъ славянскихъ народовъ мы видимъ дѣятельное участіе населенія въ дѣлахъ высшаго правленія. Вѣчевой бытъ балтійскихъ славянъ, вѣчевые порядки въ древней Польшѣ и въ древней Россіи, чешскій сеймъ во времена Пржемысловцевъ, древне-хорватскіе, древне-сербскіе и древне-болгарскіе соборы служатъ доказательствомъ, что у всѣхъ славянъ были такіе же зачатки участія народа въ верховной власти, какъ и государствахъ германской расы. Изъ этихъ зачатковъ не выработалось ничего подобнаго англійскому парламенту. Тамъ, гдѣ единоличная власть достигала силы и устойчивости, славяне достигали великихъ успѣховъ; тамъ, гдѣ она падала, падали не только могущество, но и независимость государства.

Раздробленіе Россіи на маленькія государства повело къ татарскому игу, а возвышеніе московскихъ князей—къ освобожденію Россіи отъ татарскаго ига.

Какое славянское государство занимаетъ нынѣ *) первенствующее положеніе среди всѣхъ славянскихъ государствъ?—Россія управляемая монархами.—Какія славянскія государства наилучше управляются? да ужъ не Сербія и не Болгарія, снабженныя конституціонными аппаратами, а колоссальная Россія, не знающая никакихъ юридическихъ ограниченій власти своихъ государей.

*) Писано до русской революціи.

На связь между психикой русскихъ людей и русскимъ единодержавіемъ указывали и многіе иностранцы, въ томъ числѣ Прудонъ и Карлейль. По поводу выходокъ Герцена противъ Императора Николая Павловича и Русскаго царизма они высказали Герцену свой взглядъ на русское единодержаніе, рѣзко расходившійся съ взглядомъ автора «Былого и Думъ» и „Писемъ съ того берега".

Прудонъ сдѣлалъ слѣдующій вопросъ Герцену: «Вѣрите-ли вы, что **Русское единодержавіе** произведено одною грубой силой и династическими происками?... Смотрите, нѣтъ-ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа?» Карлейль писалъ Герцену: «Ваша родина имѣетъ талантъ, въ которомъ она первенствуетъ, и который даетъ ей мощь, далеко превышающую другія страны, **талантъ** необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ, безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ подъ опасеніемъ наказаній,—**талантъ повиновенія**, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперь. И я нисколько не сомнѣваюсь, что отсутствіе его будетъ, рано или поздно, вымѣщено до послѣдней копѣйки, и принесетъ съ собою страшное банкротство. Таково мое мрачное вѣрованіе въ эти революціонныя времена».

То, что Карлейль называлъ талантомъ повиновенія русскаго народа, было подмѣчено чужеземными писателями еще во времена Василія III и Іоанна Грознаго.

Герберштейнъ писалъ:

„Скажетъ царь и сдѣлано; жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю: вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они»...

Іезуитъ Антоній Поссевинъ такъ характеризовалъ отношенія русскаго народа къ Іоанну Грозному; «Москвичи наслѣдовали отъ предковъ высокое понятіе о государѣ и утверждаются въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ то; царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя».

VIII.

Говоря о нашей формѣ правленія, не слѣдуетъ забывать, что Россія не только европейская, но и азіатская держава. Ей нельзя, поэтому, имѣть режимъ, который былъ бы чуждъ и непонятенъ не только громадному большинству русскаго народа, но и тѣмъ азіатскимъ племенамъ, которыя живутъ въ предѣлахъ Имперіи. Конституціонныя гарантіи были бы понятны финляндскимъ свекоманамъ, балтамъ и «непримиримой» части польскаго общества. Но какъ отразились—бы онѣ въ умѣ текинцевъ? Азіаты привыкли видѣть въ русскомъ монархѣ Бѣлаго Царя, держащаго въ своихъ рукахъ всѣ милости и всѣ грозы могущественнаго единодержавія. Если бы Императоръ Всероссійскій сдѣлался конституціоннымъ на Западный образецъ Государемъ, онъ утратилъ бы всякое обаяніе въ глазахъ сибирскихъ, туркестанскихъ, кавказскихъ и закавказскихъ инородцевъ. Могутъ сказать: «уживается же, однако, Японія съ конституціоннымъ строемъ». Но Японія еще такъ недавно обзавелась парламентаризмомъ, что никакъ неможетъ служить доказательствомъ его пригодности для Азіи. Всѣ азіатскіе народы, за исключеніемъ турокъ, персіянъ и индусовъ, считаютъ китайскаго богдыхана величайшимъ изъ монарховъ именно потому, что смотрятъ на него, какъ на обладателя верховной

власти во всемъ ея объемѣ. Императорамъ всероссійскимъ, Которымъ Провидѣніе назначило такую важную миссію на Дальнемъ Востокѣ и, вообще, въ Азіи, нельзя поступаться прерогативами Бѣлаго Царя».

Въ брошюрѣ князя Э. Ухтомскаго «Къ событіямъ въ Китаѣ» находимъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній о Русскомъ единодержавіи съ только что указанной точки зрѣнія. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Изъ этой то святыни убѣжденія, (авторъ говоритъ о русскомъ воззрѣніи на божественное происхожденіе царской власти), зародилась незыблемая вѣра правившихъ нами и самихъ управляемыхъ въ то, что Русь есть источникъ и очагъ непреоборимой мощи, которая лишь усугубляется отъ натиска враговъ. Востокъ вѣритъ не меньше насъ и совершенно подобно намъ, вѣритъ въ сверхъестественныя свойства русскаго народнаго духа, но цѣнитъ и понимаетъ ихъ исключительно, поскольку мы дорожимъ изъ завѣщаннаго намъ родною стариной единодержавіемъ. Безъ него Азія не способна искренно полюбить Россію и безболѣзненно отождествиться съ нею. Безъ него въ Европѣ, шутя, удалось бы расчленить и осилить насъ, какъ это ей удалось относительно испытывающихъ горькую участь западныхъ славянъ».

«Исторія нашихъ отношеній въ Азіи и къ инородцамъ, населявшимъ когда-то добрыхъ двѣ трети Европейской Руси, еще не написана, и намъ самимъ извѣстна (въ осмысленно-правдивомъ освѣщеніи) гораздо менѣе прошлаго иностранныхъ государствъ. Когда невѣдѣніе по этой части съ годами разсѣется, мы естественно придемъ къ сознательному непреклонному убѣжденію, что Тотъ, на чьемъ челѣ магическими лучами сіяютъ слитыми воедино вѣнцы Великихъ Князей Югорскаго, Пермскаго и Болгарскаго на Волгѣ, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго,—чьи предки еще въ Бѣлокаменной издавна величались «всея сѣверныя страны повелителями и иныхъ многихъ великихъ государствъ государями и обладателями», является единственнымъ настоящимъ вершителемъ судебъ Востока. Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими благодатными краями—залогъ нашего будущаго».

Посягать на Русское единодержавіе значитъ подрывать уваженіе азіатскихъ народовъ къ Россіи и къ ея монархамъ.

«Востокъ вообще проникнутъ и живетъ поражающими и смущающими западный умъ предчувствіями, такъ сказать „вѣщими“ идеями. Я помню, напримѣръ, разсказъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова о томъ, какъ онъ допрашивалъ европейски образованнаго киргизскаго султана Валиханова,—имя котораго хорошо извѣстно слѣдящимъ за новой жизнью въ нашей Азіи,—что у него за философія исторіи. Сынъ Турана лишь на минуту задумался и съ одушевленіемъ изрекъ: «Всемогущій Богъ даровалъ міровое владычество моему предку Чингисъ-хану: за грѣхи оно отнято у его потомства и передано Бѣлому Царю. Вотъ вамъ моя философія исторіи!»

«Въ составъ іероглифа «Hwauq-ti» (Хуангъ-ти, верховный государь), т. е. въ исконный титулъ богдыхановъ входитъ понятіе «бѣлый князь, Цаганъ-ханъ, Бѣлый Царь!» Англійскіе ученые объясняютъ это позднѣйшимъ искаженіемъ слова первоначально означавшаго «тотъ, кто умѣетъ управлять самимъ собою» Но не все-ли равно разъ что въ данное время смыслъ столь краснорѣчивъ?» (стр. 64).

Разгадка, почему Россія должна ненарушимо сохранять единодержавіе, помимо всего прочаго для Азіи, которою мы должны дорожить да дорожить, очень проста. Востокъ охотно покоряется только силѣ. Онъ преклонялся и преклоняется только передъ силою. Вотъ почему онъ всегда чтилъ завоевателей, могущественныхъ и не

ограниченныхъ монарховъ. Конституціоннаго англійскаго короля ужъ, конечно, никогда не будутъ, такъ высоко ставить, на Востокѣ, какъ бѣлаго Царя. Вотъ почему парламентъ и далъ королевѣ Викторіи титулъ «императрицы индійской». Вотъ почему Англія, понимающая значеніе силы для Востока, окружаетъ такою помпою индійскихъ вице-королей, вотъ почему былъ отправленъ въ Индію принцъ Уэльскій въ 1876 г. поражать индусовъ великолѣпіемъ и блескомъ своихъ выѣздовъ и пріемовъ. Декораціями, однако, нельзя замаскировать дѣйствительности...

Одно изъ главныхъ преимуществъ единодержавія въ томъ именно и заключается, что оно, будучи самою естественною формою правленія, одинаково доступно пониманію, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ и африканскихъ народовъ, какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго или языческаго міра. Для Россіи, какъ для державы, имѣющей міровое значеніе и занимающей обширныя территоріи въ двухъ частяхъ свѣта, эта особенность неограниченной монархіи представляетъ неисчислимыя удобства.

Безъ единодержавія Россія не могла бы раздвинуть свои предѣлы отъ Балтійскаго и Чернаго моря до Восточнаго океана и пережить благополучно и татарское иго, и нашествіе Карла XII, и 1812 годъ и Крымскую кампанію. Изъ всѣхъ своихъ испытаній Россія выходила съ обновленными силами и заняла столь почетное положеніе среди великихъ державъ только потому, что она не знала и не знаетъ многовластія и въ трудныя минуты внѣшней обороны дѣйствовала и дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ, въ точности исполняя велѣніе своихъ государей. Если бы Россія не была неограниченной монархіей, она никогда не пріобрѣла бы всемірно-историческаго значенія. Стоитъ только вспомнить, чѣмъ была наша родина въ эпоху удѣловъ и чѣмъ она сдѣлалась, благодаря московскимъ великимъ князьямъ, поставившимъ своею задачей собираніе русскихъ земель, чтобы убѣдиться, какъ необходима для Россіи царская власть.

«Намъ, русскимъ, обожаніе Царя доставляло всегда величайшее преимущество надъ другими народами. Всѣ колебанія и разнорѣчія во взглядахъ пропадали въ народѣ, разъ состоялось повелѣніе Царя. Это единомысліе съ Помазанникомъ Божіимъ даетъ намъ несокрушимую силу, ибо, благодаря ему, многіе милліоны людей постоянно направляютъ свои усилія къ одной цѣли. Что обожаніе Царя въ массѣ нашего народа не оскудѣло и коренится и теперь въ глубочайшихъ нѣдрахъ его чувствъ, это ясно видно всякому, стоящему близко къ народной средѣ».

Канцлеръ князь Горчаковъ былъ правъ, говоря, что могущество Россіи не заключается только въ пространствѣ ея владѣній и въ количествѣ ея населенія: оно проистекаетъ изъ тѣсной и неразрывной связи, соединяющей народъ съ Государемъ, сосредоточивающей въ его рукахъ всѣ умственныя и вещественныя силы страны.

IX.

Остановимся на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ превосходной работы генерала Н. Н. Сухотина «Война въ исторіи русскаго міра».

Н. Н. Сухотинъ ни слова не говоритъ о государственномъ устройствѣ Россіи. Въ его брошюрѣ, небольшой по объему, но значительной и важной по содержанію, подводятся итоги лишь военной исторіи Россіи, разъясняется сущность вѣковой борьбы на югѣ, приводятся данныя о напряженіи Россіи въ ея войнахъ, выясняются основанія, смыслъ, цѣли, результаты и нѣкоторыя особенности войнъ русскаго міра, и все это наглядно иллюстрируется цѣлымъ рядомъ схемъ. Но трудъ генерала Н. Н.

Сухотина, независимо отъ своей задачи, приведетъ къ убѣжденію, что Россія погибла бы, если-бъ не сплотилась въ неограниченную монархію; и никогда не достигла бы того, что ей было предназначено самой исторіей, если-бъ имѣла дѣло съ многовластіемъ.

Хронологическіе и статистическіе итоги генерала Н. Н. Сухотина доказываютъ съ очевидностью, что Россія пользуется безопасностью и одержала верхъ въ долголѣтней борьбѣ съ другими народами только потому, что дѣйствовала за одно съ своими государями и напрягала всѣ свои силы для достиженія намѣченныхъ ими цѣлей

Н. Н. Сухотинъ исходитъ изъ того положенія, что войны имѣли громадное значеніе въ исторіи Россіи, что Россія вегда была военною державою, что ея границы, пространство, этнографическій составъ и внѣшняя политика опредѣлились подъ вліяніемъ войнъ. Это не значитъ, что русскій народъ любилъ воевать для того, чтобы воевать. Это значитъ только, что въ силу своего географическаго положенія и неотвратимаго хода событій онъ долженъ былъ затрачивать великія усилія, чтобы защищаться отъ иноземныхъ вторженій, отражать нападенія сосѣднихъ народовъ и, вообще, упрочивать свою безопасность и свое политическое бытіе. Съ кѣмъ не приходилось сталкиваться нашимъ предкамъ? Взять хотя бы первые вѣка исторіи нашей родины. Древнему Новгороду надо было отбиваться отъ шведовъ, новгородскіе удальцы совершили походы въ борьбѣ съ финскими племенами и въ видахъ распространенія новгородской колонизаціи и къ берегамъ Бѣлаго моря, и къ берегамъ Балтійскаго моря. Они бились съ ливонцами, и около Уральскихъ горъ. А съ кѣмъ не приходилось имѣть дѣло кіевскимъ князьямъ? Литовцы, ятвяги, поляки, венгры, волохи, греки, половцы, печенѣги, яссы, хазары, косоги, камскіе болгары, вятичи— вотъ тѣ народы, съ которыми долженъ былъ сводить военные счеты древній Кіевъ. Со второй половины IX вѣка до начала XII столѣтія Русь совершила 5 походовъ на Византію (860, 907, 941, 967—972 и 1116 г.г.) Все это наглядно показывается на первой схемѣ Н. Н. Сухотина. А чѣмъ была русская земля въ XIV вѣкѣ, когда уже созрѣвала великая идея объединенія Руси? Въ составъ ея входили только Москва, Тверь, Рязань и Новгородъ, верхнее теченіе Волги, берега Бѣлаго моря, Ладожское и Онежское озера, а теперь Россія занимаетъ шестую часть суши. Почему? Потому что территорія Россіи сложилась подъ вліяніемъ войнъ и политики русскихъ царей, неуклонно стремившихся къ осуществленію историческаго призванія русскаго народа, которому суждено было создать громадную Имперію въ Европѣ и Азіи.

Но, можетъ быть, война, имѣвшая громадное значеніе въ исторіи русскаго міра, не можетъ имѣть его въ будущемъ и, такъ сказать, отжила свое? Н. Н. Сухотинъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

Справедливо трепещетъ современное общество, особенно богатый культурнымъ счастьемъ западный міръ, въ предвидѣніи надвигающагося боевого урагана, угрожающаго пронестись по всей вселенной, оставить слѣды небывалаго разрушенія, обозначиться неслыханною истребительностью и завершиться кореннымъ измѣненіемъ политической жизни государствъ.

«Кто въ этой міровой катастрофѣ сохранится и восторжествуетъ, кто исчезнетъ и погибнетъ—дѣло будущаго; но всѣ государства, большія и малыя, дѣятельно готовятся къ событіямъ, и никогда еще въ исторіи народовъ на подготовку къ войнѣ не отдавалось повсюду столько средствъ, времени, умственныхъ силъ, какъ въ настоящее время; безъ преувеличенія можно сказать, что мысль и дѣло подготовки къ войнѣ захватываютъ всю жизнь современнаго общества, проникая во всѣ сферы дѣятельности его».

Выходитъ, такимъ образомъ, что въ настоящее время единодержавіе необходимо Россіи не только не меньше, но даже еще больше, чѣмъ прежде.

X.

Самые убѣжденные сторонники представительныхъ учрежденій признаютъ, что народное представительство имѣетъ смыслъ только въ тѣхъ государствахъ гдѣ есть почва для правильной организаціи общественнаго мнѣнія.

Для того, чтобы сдѣлаться сапожникомъ или портнымъ, нужно учиться ремеслу; для того, чтобы сдѣлаться тапёромъ, нужно позаняться музыкой; для того же, чтобы сдѣлаться избирателемъ и оказывать, такимъ образомъ, косвенное вліяніе на составъ парламента и на его дѣятельность, нужно, по мнѣнію многихъ, только пользоваться правами избирателя, точно будто способность дѣльно разсуждать о политикѣ не требуетъ ни особаго призванія, ни особыхъ дарованій, ни особыхъ знаній. Всеобщая подача голосовъ и, вообще, привлеченіе **многихъ** къ прямому или косвенному участію къ дѣламъ правленія есть величайшая изъ нелѣпостей. Кому придетъ въ голову отдавать на обсужденіе толпы рѣшеніе научныхъ вопросовъ? Никому. Между тѣмъ, поклонники народнаго представительства считаютъ весьма естественнымъ отдавать на обсужденіе массъ самые сложные и запутанные политическіе вопросы, рѣшеніе которыхъ требуетъ, помимо серьезной теоретической и практической подготовокъ, особой осторожности, особаго такта и особаго чутья. Эти простыя и безспорныя соображенія краснорѣчиво говорятъ въ пользу монархическихъ началъ. Нѣтъ и не можетъ быть народа, который бы сплошь состоялъ изъ людей, способныхъ самостоятельно разсуждать о политикѣ и осмысленно разбираться въ партійныхъ счетахъ и разногласіяхъ. Политическія дарованія всегда были и будутъ столь же рѣдки, какъ и всякаго рода таланты. Приглашать весь народъ управлять государствомъ тоже самое, что составлять хоръ изъ нѣсколькихъ хорошихъ пѣвцовъ и множества безголосыхъ людей да еще и не имѣющихъ никакого слуха. Всякому свое. Можно быть прекраснымъ земледѣльцемъ и превосходнымъ техникомъ, но очень плохимъ политикомъ, и наоборотъ. Конституціи, построенныя на забвеніи этой истины, не могутъ не страдать внутреннимъ разладомъ.

Ввести въ Россіи представительныя учрежденія по трафаретамъ Западныхъ образцовъ, а не на свой ладъ значило бы отдать весь народъ въ кабалу ничтожному по численности богатому меньшенству, которое можетъ посвятить себя политическому карьеризму.

XI.

Необходимость единодержавной царской власти для Россіи до того очевидна, что можетъ отвергаться лишь политическими фанатиками и людьми, не имѣющими никакого понятія ни объ исторіи, ни о государственномъ правѣ. Первый и блестящій опытъ теоретическаго оправданія неограниченной монархіи въ Россіи былъ данъ Іоанномъ Грознымъ въ перепискѣ съ княземъ Курбскимъ. Цѣлый рядъ мѣткихъ замѣчаній и соображеній объ особенностяхъ и заслугахъ Русскаго единодержавія можно найти въ сочиненіяхъ Татищева, въ проповѣдяхъ и въ «Правдѣ воли Монаршей» Ѳеофана Прокоповича, въ книгѣ Посошкова «О скудости и богатствѣ», въ «Наказѣ» и письмахъ Екатерины Великой и у Болтина. Записка Карамзина „О древней и новой Россіи“ и его же „Исторія Государства Россійскаго“ заключаетъ въ себѣ всесторонее и глубокое объясненіе происхожденія Русскаго единодержавія и подробный обзоръ всего того, что сдѣлано

имъ на благо Россіи. Смѣло можно сказать, что у насъ не было ни одного крупнаго писателя и не одного крупнаго мыслителя, который не принадлежалъ бы къ числу глубоко убѣжденныхъ сторонниковъ строго-монархическихъ началъ. Сочиненія всѣхъ нашихъ историковъ—Погодина, Устрялова, Соловьева, Костомарова, Забѣлина, Иловайскаго и т. д.—составляютъ сплошную апологію русскаго единодержавія. Нѣтъ ни одного даровитаго русскаго публициста, который не признавалъ бы, что Россія обязана своимъ могуществомъ и своими культурными успѣхами широкому развитію царской власти. Передъ нею преклонялся даже Герценъ, въ статьяхъ же Каткова и братьевъ Аксаковыхъ разбросано множество драгоцѣнныхъ указаній на великое призваніе и на великіе заслуги неограниченной монархіи въ Россіи. Всѣ наши лучшіе юристы, начиная съ Морошкина и Невосина, были поклонниками Русскаго единодержавія и его зиждительной дѣятельности. Всѣ даровитѣйшіе государственные люди въ Россіи были монархистами чистой воды и не допускали никакихъ сдѣлокъ съ началами, болѣе или менѣе враждебными единодержавію. Всѣ даровитѣйшіе русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая А. Н. Майковымъ, воспѣвали величіе царской власти.

Многіе писали о Русскомъ единодержавіи, но едва ли кто нибудь сгруппировалъ такъ сжато и такъ ясно всѣ доводы, которые можно привести въ его пользу, какъ А. М. Бакунинъ, одинъ изъ дипломатовъ временъ Александра I, въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, по поводу замысловъ «Союза Спасенія». Въ книгѣ Кропотова «Жизнь графа М. Н. Муравьева» содержаніе письма, о которомъ идетъ рѣчь, излагается такъ:

«Необходимость въ измѣненіи образа правленія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшого кружка молодежи, не давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя неминуемо произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія верховной власти въ странѣ, раскинутой на необъятномъ пространствѣ и не имѣющей, кромѣ единодержавія, никакой органической связи между своими частями. Только благодаря этой власти, Россія хотя медленно, но безостановочно подвигается къ сплоченію посредствомъ законовъ, вѣры и языка разрозненныхъ народностей въ одно здоровое политическое тѣло. Успѣшный ходъ этой великой внутренней работы невозможенъ безъ пособія той правительственной силы, которая создается только единствомъ власти. Усиленіе, а не умаленіе этой власти можетъ обезпечить развитіе народнаго благосостоянія въ нашемъ небогатомъ и рѣдко населенномъ государствѣ. На это не останавливающееся развитіе иностранцы смотрятъ съ опасеніемъ и завистью, предчувствуя, можетъ быть, что со временемъ порабощенные славяне въ Австріи и Турціи также предъявятъ свои права на самобытное существованіе. Всенародное участіе въ управленіи страною есть мечта, навѣянная намъ микроскопическими республиками древней Греціи; но всѣмъ извѣстно, долго ли онѣ просуществовали? Всѣ эти паутинныя государства были развѣяны однимъ взмахомъ перваго орлинаго крыла.

Вотъ какъ ясно понимали значеніе неограниченной монархіи для Россіи еще при Александрѣ I, въ самый разгаръ республиканскихъ и революціонныхъ увлеченій!

Такъ писали въ прошломъ о значеніи Царской власти для Россіи. Революція смела ее и мы видимъ во что обратилась Россія, не нашъ ли долгъ воскрешая Россію возвратить ей то, безъ чего ей не жить—дать ей Царя!

Положеніе негровъ въ „Свободной“ Американской Республикѣ.

Меморандумъ.

XV поправка Конституціи Соединенныхъ Штатовъ дала право голоса всѣмъ гражданамъ, независимо отъ ихъ возраста, цвѣта, пола, прежняго состоянія рабства. Насколько, однакожъ, каждый штатъ имѣетъ право контролировать условія голосованія своихъ гражданъ? Южные Штаты, населенные множествомъ негровъ, нашли необходимымъ обусловить право голоса грамотностью и удовлетворительной, въ глазахъ экзаменующихъ, освѣдомленностью нѣкоторыхъ статей Конституціи. Въ извѣстныхъ случаяхъ «дѣдовскій» пунктъ даетъ право голосованія желающему подать свой голосъ, но не отвѣчающему вышеуказаннымъ требованіямъ, если его дѣдъ принималъ участіе въ войнѣ между штатами. Изъ числа Штатовъ, соблюдающихъ это правило, можно упомянуть Южную Каролину, Миссиссиппи, Флориду, Георгію, Теннесси, Луизіану и проч. Почти во всѣхъ Южныхъ Штатахъ, преимущественно въ тѣхъ, которые принимали участіе въ войнѣ 1861—65 г.г. и были на сторонѣ Конфедераціи, браки между бѣлыми и черными недозволяются; такіе браки считаются преступными, называются смѣшеніемъ недѣйствительны и караются закономъ.

Во всѣхъ Южныхъ Штатахъ школы бываютъ отдѣльныя для бѣлыхъ и черныхъ.

Всѣ трамваи имѣютъ особенныя отдѣленія для бѣлыхъ и черныхъ.

Желѣзно-дорожные поѣзда имѣютъ отдѣльные вагоны для черныхъ и бѣлыхъ и всякій суточный омнибусъ или вагонъ III кл. долженъ имѣть особыя отдѣленія.

Въ Южныхъ Штатахъ негры не могутъ ѣздить въ спальныхъ вагонахъ, ни обѣдать въ вагонахъ-ресторанахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда билеты были ими пріобрѣтены въ Сѣверныхъ Штатахъ, гдѣ это разрѣшается, имъ дозволено, если они хорошо одѣты, смирны и почтительны, проѣхать чрезъ Южные Штаты оставаясь на своихъ мѣстахъ. Имъ также дозволено питаться въ столовой вагона по окончаніи обѣда бѣлыхъ. Они, однакожъ, могутъ во всякое время, если того пожелаютъ и имѣютъ возможность заплатить, занять особенный кабинетъ „deluxe“ и потребовать отдѣльный обѣдъ.

Во всѣхъ Южныхъ Штатахъ, въ театрѣ обыкновенно есть балконы или отдѣленія гдѣ они сидятъ отрѣзанные отъ всякаго общенія съ бѣлыми.

До войны 1861—65 г.г. ихъ пускали въ тѣ Церкви, къ которымъ они принадлежали и они обыкновенно сидѣли въ особенной галлереѣ; таинства совершались для нихъ бѣлыми священниками. Въ большихъ имѣніяхъ были домашнія Церкви для негровъ и пасторы негры отправляли ихъ духовныя потребности, но съ 1865 года негры организовали подъ собственнымъ контролемъ свои собственныя религіозныя Общины, имѣли свои домовыя Церкви и сами содержали

своихъ церковныхъ служителей. Нѣкоторые почтенные негры, добрые христіане, не порвавшіе связь съ прежними своими властителями, охотно принимаются въ бѣлыхъ Церквахъ и ихъ религіозныя потребности удовлетворяются съ любовью, но они все же сидятъ въ особыхъ помѣщеніяхъ во время службы.

Никакая приличная гостинница на югѣ не можетъ принять негра и это часто бываетъ для нихъ очень тягостно, т. к. ихъ собственныя негритянскія гостинницы далеко не такъ хороши.

Неграмъ не служатъ въ кафэ или у стойки ресторана въ Южныхъ Штатахъ; они могутъ покупать лекарства или туалетныя принадлежности въ аптекахъ и аптечныхъ магазинахъ но тѣ мѣста, гдѣ продаются мороженное, или прохладительные напитки, имъ недоступны. Негровъ не принимаютъ ни въ какія высшія учебныя заведенія или Университеты Юга; у нихъ много превосходныхъ, высоко-научныхъ учрежденій, которыя поддерживаются правительствомъ, но посѣщеніе Университетовъ бѣлыхъ имъ не дозволено.

Негры не служатъ въ юридическихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ судятъ бѣлыхъ.

Въ Южныхъ Штатахъ немногіе, особенно выдающіеся, занимаются судебной практикой, но ихъ не принимаютъ въ корпорацію адвокатовъ. Есть въ Южныхъ Штатахъ хорошіе врачи и хирурги-негры, но они пользуютъ только лишь людей своей расы.

Примѣчаніе. Америка (страна республиканская) какъ извѣстно, является самой горячей защитницей еврейскаго «равноправія» въ Россіи, хотя положеніе евреевъ въ Россіи сейчасъ господствующее, а положеніе негровъ въ Америкѣ унизительное.

Негровъ въ Америкѣ больше чѣмъ въ Россіи евреевъ, посему американскимъ защитникамъ евреевъ въ Россіи можно порекомендовать заняться прежде установленіемъ у себя дома въ Америкѣ равноправія для негровъ; а до этого Россія въ еврейскомъ вопросѣ должна была бы руководствоваться, примѣромъ законовъ установленныхъ для негровъ въ демократической Американской Республикѣ.

Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Составъ Главнаго Совѣта Всероссійской Народно-Государственной Партіи.

Предсѣдатель Совѣта **В. М. Пуришкевичъ.**

Товарищъ Предсѣдателя **Н. Н. Ферморъ.**

Члены Совѣта:

А. И. Асѣевъ.
С. С. Бехтѣевъ.
Графъ **Д. М. Граббе.**
Н. Н. Ладомірскій.
А. И. Мосоловъ.
В. С. Мясоѣдовъ.
Я. Н. Офросимовъ.
М. М. Пуришкевичъ.
М. М. Раевскій.
Л. М. Савеловъ.
Н. И. Юрловъ.

Управляющій дѣлами Главнаго Совѣта **Л. М. Савеловъ.**

Секретарь Совѣта **В. В. Касаткинъ.**

Цѣна 10 руб.

Съ требованіями на изданіе обращаться:

ЯЛТА, въ Канцелярію Главнаго Совѣта, гост. Джалита Л. М. Савелову. № 55.

ОДЕССА. Къ Предсѣдателю Одесскаго Отдѣла М. М. Пуришкевичу.

КИСЛОВОДСКЪ. Къ Предсѣдателю Отдѣла Я. Н. Офросимову.

РОСТОВЪ н-Д. Къ Секретарю Ростовскаго Отдѣла Вас. Афин. Образцову Большая Садовая, 63.